

АНАСТАСИЯ
Кольцова

БАРЫШНЯ
ПОПАДАНКА

Анастасия Кольцова

Барышня-попаданка

<https://litres.ru/74207574>

Аннотация

Бумажную книгу можно найти на маркетплейсах Любопытство до добра не доводит – взяв в руки старинные часы, я оказалась в девятнадцатом веке. Но не для того я учусь на инженера, чтобы застрять во временах кисейных барышень! Использую всю свою смекалку, и обязательно найду способ вернуться домой! Попутно разберусь, как вести себя в высшем обществе, проучу одного мерзкого интригана, придумаю, что делать с внезапно объявившимся женихом и его заносчивым братом, с которым мы с первого взгляда друг друга возненавидели... Но что мне делать с собственным сердцем, которому плевать на все логические доводы, и которое говорит, что я должна остаться?

Вторая часть:

Не забывайте поставить звёздочку и добавить книгу в библиотеку:) Спасибо всем, кто дарит награды и оставляет комментарии♥

Содержание

ЧАСТЬ I. НЕНАВИЖУ И ХОЧУ ВЕРНУТЬСЯ	4
Пролог	
1. Попытка № 5	8
2. Отбитые реконструкторы	17
3. Распутная барышня Дарья Алексеевна	26
4. Я буду вместо, вместо, вместо неё	37
5. Особенности женского гардероба	46
6. Путешествие из деревни в Москву	57
7. Пиковая дама	67
8. Первый бал	80
Конец ознакомительного фрагмента.	84

ЧАСТЬ I. НЕНАВИЖУ И ХОЧУ ВЕРНУТЬСЯ Пролог

– Девушка, здесь нельзя фотографировать.

– Но это мой жених! И я рядом с ним, между прочим.

Неужели не видно?

Смотрительница музея щурится сквозь большие круглые очки то на меня, то на картину, осуждающе покачивает головой с высокой причёской, и наконец, многозначительно выдаёт:

– Ну вы, деточка, и выдумщица. Хотя и правда есть что-то общее. Может, ваша пра-пра-пра... – пожилая женщина заводит глаза вверх, подсчитывая, кем могла бы быть мне девушка с картины. – В каком году написано полотно? В тысяча восемьсот одиннадцатом? Точно, незадолго до Отечественной войны двенадцатого года. Сколько поколений с тех пор сменилось...

– Угу, – поддакиваю заболтавшейся смотрительнице, и пока она предаётся математическим подсчётам, тихонько фоткаю картину. В памяти моего телефона поселяются темно-волосый молодой человек в синем фраке и в упор смотрящая на зрителя девица в белом платье с высокой талией и рукавами-фонариками – в начале девятнадцатого века была мода на ампир.

– Это хорошо, деточка, что вы историей интересуетесь, – продолжает словоохотливая зрительница, не замечая моих шалостей. – Эх, какие мужчины тогда были – какая стать, какая выправка, какой взгляд... Не то что теперешние тикто-керы. Да и девушка не чета нынешним – мягкая, женственная, одухотворённая. Вам бы волосы прибрать, джинсы на платье сменить, и будете на неё похожи.

– Не-е, спасибо, мне и так неплохо, – усмехаюсь я и встряхиваю своими вечно взлохмаченными русыми патлами. Ух, как же классно ощущать их на своих плечах и спине, а не зачёсанными где-то на макушке.

Конечно, сто раз, интересуюсь я историей. Знала бы эта наивная женщина, как сильно «деточка» ненавидит эту чёртову историю и всё, что с ней связано! Например, историков. Из-за одного такого историка...

Прощаюсь со зрительницей, бросаю прощальный взгляд на парный портрет князя Орлова и его невесты Дарьи Алексеевны, и покидаю здание Третьяковки. Втыкаю наушники, ныряю в метро и поудобнее устраиваюсь в полупустом вагоне – благо ехать без пересадок. Достая телефон, и под тревожно звучащий в наушниках «Декабрь» Вивальди (вот уж не думала-не гадала, что буду такое слушать), разглядываю тайком сфотографированный в музее портрет.

Князь Орлов. Чтобы лучше рассмотреть его лицо, провожу пальцами по экрану телефона, увеличивая фото. Смотрю в синие глаза человека, который жил двумя веками ранее, и

надолго погружаюсь в невесёлые мысли. Двести лет. Целых двести лет.

Дарья Алексеевна. Вглядываюсь то в своё расхлябанное отражение в окнах вагона метро, то в аккуратные миловидные черты этой пафосной дамочки. Ну какая же она мягкая, женственная и одухотворённая? Смотрительница явно что-то напутала, эта девица совсем не такая. Она вредная, ехидная, находчивая, целеустремлённая, бесшабашная, самоуверенная, и если уж что-то задумала, то обязательно этого добьётся.

Кому как ни мне всё это знать, ведь она – это я, Даша Скворцова. Студентка-третьекурсница факультета машиностроительных технологий, и по совместительству невеста князя Орлова из девятнадцатого века.

Как так вышло? До сих пор не нашла точного ответа на этот вопрос. Только одно могу сказать наверняка: я этого не хотела. Но если бы у меня был шанс вернуть всё назад, я бы, не раздумывая, всё повторила. Начиная с того самого вечера, когда я отправилась в гости к однокурснику Максиму Алексею, чтобы сделать лабораторную по физике...

Дорогие читатели, рада видеть вас в своей истории! Добавляйте книгу в библиотеку, ставьте лайки, оставляйте комментарии и подписывайтесь на мой профиль, чтобы не пропустить новинки. Именно ваша активность показывает мне и моему Музу, что мы стараемся не зря, и вдохновляет на новые проды.

Приятного чтения!

Ваша Настя ♥#

1. Попытка № 5

С красивым однокурсником Максом мы скорешились во время практики на сталелитейном заводе. После этого немного потравили байки, сидя на парах, и вот решили курсач вместе делать. Совместить, так сказать, полезное с приятным, потому что и мне, и ему было понятно, что совместная работа над курсачом вполне себе может вылиться во что-то более интересное, чем просто проведение опытов и решение задачек.

Перекусили после пар в студенческой столовой и поехали к Максу. Ну а что? Нужно же обсудить курсач в деталях – определить, кто какую лабораторку делать будет, что будем писать в текстовой части. Столовка для таких важных бесед совсем не подходит!

Разглядывая красивый профиль однокурсника, зависшего на поручне вагона метро, я думала о том, что, кажется, наконец нашла то, что искала. Того, кого искала. Ну а что? Макс соответствовал всем моим высоким стандартам – он был высоким, он был блондином, а ещё он не был тупым и у него было чувство юмора. До того, как мы с ним начали общаться, я ещё никогда не встречала парня, настолько мне подходящего!

Хотя мои попытки его встретить начались ещё в одиннадцатом классе.

Моей первой попыткой найти родственную душу стал весёлый одноклассник-футболист, который сбежал от меня после того, как я «сделала» его на уроке алгебры. Математичка любила вызывать к доске сразу двоих учеников, давать им одно и то же задание, а потом разворачивать доску и сравнивать результат.

«Настоящая девушка поддалась бы», — сказала моя несбывшаяся пассия после своего математического фиаско. Ну да, конечно! Откуда ж мне было знать, что и как он там решал со своей стороны доски? Мир его тройбану по алгебре, после расставания я перестала давать ему списывать.

Моя второй попыткой найти свою любовь стал парнишка с факультета информатики. Он был умным и серьёзным, а ещё у него были очень подробные и детально расписанные планы на жизнь. Во время нашего первого свидания в парке он без конца рассказывал, что дама его сердца должна будет воспитывать в загородном доме парочку детишек, пока он в поте лица (и живя в московской квартире) будет заниматься развитием своей фирмы, которую когда-нибудь обязательно откроет.

Правда, пока ему не до этого, сейчас он очень нужен своей маме — в театр выгулять, в походах по магазинам компанию составить. Ах да, его мама тоже будет жить в загородном доме вместе с невесткой и внуками, она очень любит свежий воздух.

Я поинтересовалась, зачем ему отношения, если он и так

уже с мамой встречается, он почему-то обиделся и бросил меня прямо в том же парке. Хорошее место, кстати, мороженое там вкусное продают.

Во время свидания с третьей попыткой я была в чудесном настроении и без умолку травила анекдоты – какие-то об инженерах, какие-то о поручике Ржевском. Судя по всему, мои анекдоты не зашли, потому что он (третья попытка, а не поручик Ржевский) сказал, что ему срочно нужно домой, и больше на связь не выходил.

С четвёртой попыткой мы не на жизнь, а на смерть сцепились по поводу того, были ли американцы на Луне – конечно же, этот олух утверждал, что полёт был инсценировкой! Я доказала ему, что он абсолютно не прав, вот только вместо того, чтобы порадоваться рождению в нашем споре истины, он почему-то тоже от меня сбежал.

Я долго не переживала – туда ему дорога. Мало того что неуч, так ещё и ошибки свои признавать не умеет! Благо студентки инженерных вузов от недостатка парней не страдают, в нашей группе их целых девятнадцать человек, одиннадцать из которых до сих пор свободны.

Так что Макс стал моей пятой попыткой не умереть в компании сорока кошек (или как там говорят о девушках, не нашедших нормального парня в ворохе маменькиных сынков, тупиц, и мальчиков ниже ста восьмидесяти см).

– Даш, возвращайся в мир живых, наша станция, – щёлкает у меня перед носом Макс, и мы покидаем душный вагон.

Выход через турникеты, десять минут по аллее, только-только начинающей разбавлять зелёные оттенки жёлтыми и золотистыми, и вот мы, наконец, добираемся до дома, в котором Макс живёт с родителями и старшим братом. Вовремя, а то так пить захотелось.

– Раздевайся, я пока чайник поставляю, – как только мы заходим в квартиру, однокурсник указывает рукой на вешалку, и, не разуваясь, убегает куда-то вглубь розовато-бежевого коридора. Пока Макс тусит на кухне с чайником, я снимаю кроссовки, вешаю на крючок джинсовую куртку и начинаю разглядывать висящие на стенах гравюры в позолоченных деревянных рамах. Старинная Москва, парадные залы, полные мужчин во фраках и дам в длинных платьях, всадники, сцены сражений...

– Это старший брат собирает, он у меня историей увлекается, – кивает вернувшийся Макс, швыряя в угол правый ботинок и стягивая левый. – Если хочешь, можешь тапки надеть, вон те синие у нас для гостей.

– Странное увлечение, – протягиваю я, засовывая ноги в тапки и вспоминая занудные уроки истории, преследовавшие меня вплоть до второго курса универа.

– Да уж. Не поверишь, он ещё в музее историческом работает. Младший научный сотрудник! – с гордостью сообщает однокурсник и снисходительно добавляет, швыряя в угол второй ботинок: «Должен же кто-то в семье быть гуманитарием. Пойдём, покажу тебе квартиру, пока чайник греется».

Как любой нормальный человек, попавший после учебного дня в свою комнату, первым делом Максим включает комп. Надо же в соцсети зайти, ютубчик посмотреть или пострадать ещё какой-нибудь далёкой от учёбы фигнёй.

– Какая мощность? – спрашиваю я, примостившись на край компьютерного стола и поглаживая стильный деревянный корпус навороченных колонок.

– Сто двадцать ватт, – Макс тоже проводит рукой по гладкой поверхности, и как бы случайно его рука оказывается поверх моей, отчего я покрываюсь мурашками, знакомлюсь с бабочками, и в голову лезет разная романтическая фигня.

– Фига се, – я встряхиваю волосами и пододвигаюсь ближе к сидящему в компьютерном кресле Максу. – Домашние дискотеки устраиваешь?

– Ага, знала бы ты, как брат бесится, – довольно ухмыляется Макс, поглаживая мою руку. – Хочешь что-нибудь послушать?

– Давай, – охотно соглашаюсь я. Пришла пора заценить твои музыкальные вкусы, «кандидат в депутаты».

– Ты тоже слушаешь «Раммов»! – восторженно сжимаю я руку Макса, лишь только заслышав первые обманчиво-умиротворяющие нотки, предшествующие зловещему голосу Тилля Линдеманны. – Здорово!

– Да, люблю «Раммштайн», – Макс переплетает свои пальцы с моими. – И вообще, тащусь по металлу, слушаешь «Слипкнот», «Металлику», «Буллетов»?

Боже, этот парень идеален, у нас с ним даже музыкальные вкусы совпадают! Даже мой любимый братишка, с которым у нас так много общего, какую-то попсово-клубную фигню слушает.

– Давай пока чай пьём покажу тебе комнату брата, у него там иногда такие странные штуки лежат, что я офигеваю, – заговорщицки предлагает Макс, как бы невзначай касаясь второй рукой моего колена. – Этот зануда не любит, когда я у него шарюсь, но сейчас он в своём музее, так что почему бы нет? Я у него один раз старинный меч видел, а в другой раз – пепельницу из настоящего человеческого черепа!

– Крутяк, давай посмотрим, – соглашаюсь я и спрыгиваю со стола. Пару секунд мы с сидящим на кресле Максом не отрываясь смотрим друг на друга, мне кажется, он чувствует то же, что и я. Ещё доля секунды – и...

– Чайник, наверное, уже вскипел, – не вовремя вспоминает Макс, и я неохотно отвожу взгляд от его невероятных, потрясающих, умопомрачительных голубых глаз. Мы проходим на большую светлую кухню, Макс разливает чай, и с кружками наперевес вторгается в комнату младшего научного сотрудника.

По сравнению с коридором, кухней и комнатой Макса комната его брата оказывается на редкость душной и тёмной. Только когда однокурсник щёлкает выключателем я, наконец, вижу наглухо задвинутые тёмные шторы, старинный шкаф с книгами, деревянный рабочий стол, заваленный ди-

ковинными историческими штуковинами.

– Ему на работе по башке не настучат, за то, что он всё это домой тащит? – отхлебнув из кружки горячий чай, ставлю её на стол, и на этот же стол усаживаю себя, подвинув какой-то грязный глиняный горшок. Кажется, я сегодня на всех столах в этом доме посидеть успею.

– Не, не настучат, папин друг зам директора музея, так что братану там всё с рук спускают, – смеётся Макс. – Поэтому он безнаказанно притаскивает домой разное барахло из запасников и типа «изучает» его.

– О, я бы вот эту штуку изучила, – выцепляю взглядом и достаю из кучи исторического барахла серебристый шлем, заострённый на макушке. – Хочешь примерить?

– Конечно, для полного счастья мне не хватает только этого шлема, – угорает Макс, и я водружаю ему на голову громоздкий головной убор, оказавшийся более тяжёлым, чем я предполагала.

– Давай и тебе что-нибудь подберём, – Макс достаёт из кучи на столе наручные часы. – Как тебе?

– Да ну, на них ни ремешка, ни цепочки, – отмахиваюсь я. – Интересно, они вообще ходят? Дай-ка посмотреть!

Беру у Макса часы и пытаюсь вскрыть заднюю часть корпуса, но тут нужно явно что-то получше моих покрашенных под цвет топики красных ногтей. Поэтому отбрасываю идею поковыряться во внутренностях и начинаю крутить заводную головку, заставляя часовую стрелку неторопливо полз-

ти, а секундную вприпрыжку бежать по золотым римским цифрам на белом фоне.

– Брат насчёт этих часов все уши нам прожужжал, когда их притащил. Типа их пожаловал император за какие-то особые заслуги, а мужик, которому он их пожаловал, то ли магом был, то ли волшебником, и наделил эти часы какой-то особенной силой. Короче, с фантазией у моего братца всё очень хорошо.

– Вот же антинаучная пурга, – смеюсь я. Сверяюсь с телефоном,ставляю нужное время, и – о чудо, часы начинают идти!

– Как же меня заводят девушки-инженеры, – вполголоса говорит Макс, снимая шлем. Кладёт его на стол, наклоняется ко мне и, глядя в глаза, проводит рукой по моей щеке, отчего я уже во второй за день покрываюсь мурашками, а мой телефон и глухо тикающие часы летят на пол. Не обращая внимания на эти досадные мелочи, обхватываю Макса за шею, наши губы почти соприкасаются, вот-вот должен случиться поцелуй...

Меня бросает то в жар, то в холод, кажется, будто я оказалась на американских горках – швыряет то вверх, то вниз, сердце как неприкаянное болтается в грудной клетке, а непроглядная темнота чередуется ослепительными вспышками света, устраивая глазам полный треш.

К сожалению, это сейчас не художественное описание поцелуя, а что-то совсем другое. Я заболела? Потеряла созна-

ние? Но как я тогда думаю? Что это вообще со мной? Где я? Эх, по-видимому, пятая попытка не умереть в копании со- рока кошек тоже провалилась. На этот раз точно не по вине «кандидата в депутаты», Макс может собой гордиться.

Или не может – наверняка это он мне в чай что-то подмешал! Я так хорошо о нём думала, а он оказался... Маньяком? Насильником? Это самое логичное объяснение того, что ещё пару секунд назад я находилась в комнате старшего брата Макса, а теперь валяюсь на где-то на полянке, ощущая прилипшие к разбитым локтям листву и сухие травинки. Хорошо хоть колени под плотными джинсами не пострадали от падения.

Встряхиваю головой, пытаюсь отогнать наваждение. Какие ещё разбитые локти? Наверняка у меня просто глюки после того, что подмешал оказавшийся маньяком Макс, поэтому мне и кажется, что я нахожусь непонятно где! Деревья зеленеют, птички поют, какое-то животное ломится на меня из чащи...

– Платон, иди сюда, я её нашёл! – раздаётся из-за деревьев радостный мужской голос, я чертыхаюсь, вскакиваю с земли и бегу в противоположную сторону леса. Галлюцинация это или нет – потом разберусь, а пока надо сваливать. Спасибо, братишка, что познакомил меня со страйкболом, умение бегать и прятаться в ближайшее время мне ой как пригодится.

2. Отбитые реконструкторы

В нашей семье я умная, а брат красивый. Поэтому, даже не пытаясь поступать в универ, Санёк сходил в армию и пошёл работать инструктором в страйкбольный клуб. Благодаря своему зверскому обаянию братишка с подростковых лет зависал на страйкбольных площадках (по-хорошему детей туда пускать не должны), и не рассматривал других вариантов применения своих талантов.

Конечно же, моя мама (ответственная и педантичная училка физики) до сих пор пытается воззвать к его совести! Но все её призывы разбиваются о «Нафига?» моего старшего брата и гогот бати, тренера детской футбольной команды. Насколько знаю, батя тоже учиться не любил, и в девятые, в конце своей спортивной карьеры, просто прикупил диплом. Кстати, такой же, как у мамы – о педагогическом образовании.

Забегая в тёмный еловый лес, я немного представляла, что меня ожидает – на страйкбольной площадке, где работал Санёк, была лесная зона. А вот о том, что бегать в тапках настолько неудобно, я как-то не подумала. Да и вообще заметила, что на мне нет привычных кроссовок, только когда укололась о пару сучков и напоролась на первую корягу. Чёрт, больно-то как! И это только тропинка, что же будет с моими ногами, если я с неё сверну? Но думать об этом неко-

гда – за спиной раздаётся хруст веток и тяжёлый топот моих преследователей.

– Лука, я её вижу! – воодушевляюще кричит один из них, заставляя меня забыть об ушибленной ноге и со всей мочи рвануть вперёд по тропинке. Чёрт бы побрал мою любовь к ярким цветам – я сейчас в своём топике как красная тряпка для быка! Двух быков. Которые вот-вот меня догонят.

Что ж, неутомимые мои, попробуем другую тактику. Из последних сил припускаю вперёд, оставляя на угрожающе торчащих со всех сторон сучьях клочки джинсов, топика, и ключья волос, как можно сильнее отрываюсь от своих преследователей, вглядываюсь в чащу и выцепляю взглядом поваленную ель с развороченной корневой системой – отлично, то, что нужно.

Отрываю от того, что некогда было моим любимым топком ещё несколько красных обрывков, пробегаю вперёд, оставляю ключья одежды на сучках и еловых лапах, и возвращаюсь обратно. Сворачиваю с тропинки, поудобнее устраиваюсь за поваленной ёлкой и только тогда перевожу дух. Отлично, меня моим преследователям будет не видно, зато из моего убежища обзор сквозь просветы в еловых ветках отличный.

Эх, винтовку бы сюда. Не то чтобы я не любила людей, просто эти ребята явно не относятся к лучшим представителям человечества – я их ещё даже не увидела, а они уже здорово меня пугают!

С нетерпением смотрю на тропинку, на которой, не томя меня слишком долгим ожиданием, появляются мои преследователи. Первым бежит бородатый мужик лет тридцати, за ним парень помоложе – мой ровесник или чуть старше. Оба здоровые, крепкие, светловолосые, у обоих причёска, которую моя бабушка называла «под горшок».

Наверное, эти отбитые – исторические реконструкторы. Это единственное логичное объяснение того, что они одеты как крестьяне из ненавистного мной учебника истории, а ведут себя как буйнопомешанные сталкеры. Выглядят, кстати, вполне настоящими – теория о том, что Макс мне что-то подсыпал, и я нахожусь в галлюцинации, начинает казаться всё мене реалистичной.

Мои потенциальные похитители пробежали мимо, значит, пора выбирать. Вот только куда мне податься? Я даже не понимаю, где нахожусь! Так что логичнее всего вернуться на опушку, с которой начались мои лесные забавы, и попытаться найти дорогу. Осторожно выбираюсь из своего укрытия, и, стараясь двигаться как можно тише, иду туда, откуда прибежала.

Выхожу на опушку, осматриваюсь – ни единого намёка на высотки или линии электропередач! Только высокие деревья и бескрайнее вечернее небо. Куда же меня занесло? Усаживаюсь на травку под раскидистым дубом, вытягиваю ноги и внезапно чувствую, что я здесь не одна. Поднимаю голову – и вижу ещё одного отбитого реконструктора! Тоже в ста-

ринной рубашке и с причёской под горшок, только помоложе тех, что меня по лесу гоняли, наверное, даже немного младше меня. Так их, оказывается, было трое!

– Платон, Лука, она здесь! – кричит реконструктор, а я подрываюсь как угорелая и бегу в сторону леса. Хватаю покрытую мхом толстую ветку, заезжаю не отстающему от меня детине по загребущим ручищам, которым он пытается меня схватить, по плечу, по голове...

Но силы оказываются неравными. Третий реконструктор оказывается ещё более отбитым, чем его старшие товарищи, поэтому последнее, что я помню – это тяжёлая оплеуха, которой награждает меня проворный детина, не обращающий ни малейшего внимания на моё отчаянное сопротивление. Ноги подкашиваются, макушки зелёных деревьев плывут перед глазами, и я погружаюсь во тьму. Не знаю, сколько проходит времени, прежде чем сквозь полузабытьё до меня начинают доноситься обрывки разговора:

– Митька, олух ты неотёсанный, кто ж так с барышнями-то обращается? Ты же мог весь дух из неё вышибить! Хорошо хоть жива осталась... Да и крови вроде нет, это хорошо. Хотя, что это у неё с руками? Ногти красные...

– Но она первая начала, – оправдывается детина, – так меня дрыном огрела, что согнуться до сих пор не могу... Ну вот я и я выдал ей леща, чтобы немного остепенить...

– Не понимаешь ты ничего, Митька, барышня в горячке, с ней надо поласковее, пообходительней. Что с нами сделает

барыня, если узнает, что мы её дочь чуть со света не сжили? А так можно надеяться на особые милости за поимку беглянки. А ну-ка помоги, свяжем её от греха подальше, пока в чувство не пришла.

Мои руки заламывают за спину, а запястья и щиколотки умело стягивают грубой верёвкой, отчего я, наконец, прихожу в себя. Голова гудит, болят разбитые чуть ранее от падения на полянку локти, и вдобавок бородатый верзила Платон тащит меня куда-то вниз головой, бесцеремонно закинув на плечо. Голова от такого положения раскалывается с невероятной силой, и я выдаю все самые изощрённые ругательства, которые только мне известны.

– Не волнуйтесь, барышня, телега совсем близко, сейчас уложим вас и доставим к маменьке в целости и сохранности, – не сбавляя шаг безмятежно реагирует на мою отборную брань Платон.

Какая маменька, какая телега? О чём он вообще? Поворачиваю голову и вижу, что рядом шагают детина, который меня вырубил, и парень, который гонялся за мной по лесу вместе с Платоном. Если бы, отправляясь в гости в Максу, я знала, что мне сегодня предстоит чудесная прогулка по лесной опушке в прекрасной компании неадекватного бородача, сумасшедшего бегуна и любителя раздавать девушкам лещей, подготовилась бы получше!

Интересно, это глюки, или я слышу, как недалеко ржёт... Лошадь? Выходит, эти отбитые ещё и несчастное животное

сюда притащили! Да ещё и впрягли в уродливую деревянную телегу с деревянными колёсами. Да уж, насчёт способа передвижения Платон не соврал.

– Ох, намаялись мы с вами, барышня, – вытирает пот со лба парень, бегавший за мной по лесу, усаживаясь на передок телеги и берясь за вожжи. Кажется, его зовут Лука. – И где вы так по чащобам укрываться научились? Уж на что мы с братом хорошо леса знаем, а даже от нас укрыться сумели! Не иначе как от горячки звериные способности в вас раскрылись.

– Ребята, вы вообще знаете о существовании дезодоранта? – интересуюсь я, когда взмокший Платон, наконец, спускает меня с плеча и аккуратно укладывает в телегу. Кажется, задавать этим олухам более сложные вопросы бесполезно, у них в головах какие-то барыни и горячка. Хорошо хоть в телегу нормально уложил, подложив что-то под голову. После знакомства с тяжёлой рукой того, кого бородатый назвал Митькой, у меня явно сотрясение мозга.

– Барышня изволит говорить по-французски? Мы люди неучёные, языков не понимаем, – пожимает плечами Платон. Фу, что это за солома на дне телеги! Колется, в нос лезет! Возмущённо чихаю и укладываюсь поудобнее, насколько это возможно, когда ты связана по рукам и ногам.

– Извините, барышня, если бы знали, что встретим вас нынче в лесу, подготовили бы транспорт, соответствующий вашему положению, – издевается нетерпеливо подёргиваю-

щий вожжи Лука. – Садись, Платон, пора трогаться, и так уже в господский дом засветло не успеваем. А ты, Митька, рядом с телегой побежишь, чтобы неповадно было барышень калечить.

Самонадеянные болваны! Им и трогаться не нужно, и так уже тронутые на всю голову! Может, я оказалась на месте реконструкции исторических событий? Тогда просто нужно подождать, пока эти поехавшие отвезут меня к своим «господам», которые, надеюсь, ещё не совсем потеряли связь с реальностью и дадут мне позвонить родным.

Громоздкий Платон неловко забирается в телегу, Лука дёргает за вожжи, прикрикивает на понурую серую лошадку, и мы отправляемся в «господский дом». Интересно, что это такое? Может, так они называют базу отбитых историков-реконструкторов? В очередной раз убедившись, что связана я крепко, интересуюсь:

– Ребята, а вы вообще кто такие?

– Я Платон, а это мои младшие братья Лука и Митька, – дружелюбно представляется бородатый. Говорит неторопливо, с расстановкой, как будто незадолго до этого не гонял меня по лесу, как дикую зверушку. – Крестьяне господ Елецких, ваших батюшки и матушки. А вы барышня Дарья Алексеевна, на случай, если от горячки запомнили.

– Какая я вам, к чёрту, барышня! Хватит уже меня так называть! – возмущаюсь я. Какая ещё, к чёрту, горячка? Эти отбитые на меня что, свои собственные проблемы с кукухой

проецируют?

– Барышня изволит гневаться, – ехидно вздыхает бегущий рядом с телегой Митька. – Платон, проверь узлы, а то ещё сбежит в обратном в лес, бедняжка совсем умом тронулась. Бедная барыня, как же она переживёт помешательство любимой дочери?

Бородатый Платон протягивает ко мне свои огромные руки, проверяет, качественно ли я связана, и, удовлетворённо хмыкнув, наконец, оставляет меня в покое. Всё бы хорошо, вот только этот идиот меня передвинул. А я только-только нащупала на дне телеги что-то твёрдое, обо что можно было бы перетереть верёвку, которой связаны мои руки! Теперь снова придётся барахтаться в мерзкой соломе в поисках этого предмета.

– Барышня-то всё в горячке мечется, никак в себя не придёт, – вполголоса ворчит Платон, но на этот раз мне уже лень объяснять, что никакая я не барышня и что у меня нет горячки – беготня по лесу и драка с отбитым Митькой порядком меня измотали.

Над головой тёмно-синее вечернее небо и макушки наклонённых вдоль дороги деревьев, скрипучая телега покачивается, как корабль на волнах, лошадка всхрапывает, и я сама не замечаю, как вместо того, чтобы пытаться освободиться, снова проваливаюсь в тёмную бессмысленную муть. И как я умудрилась потерять сознание в такой опасной ситуации?

Просыпаюсь оттого, что мне светят в лицо. Телефон? Фо-

нарик? Не-е, всё куда более в духе сегодняшнего вечера – это толстая восковая свечка, которую держит в руках наклонившая ко мне пожилая дамочка в странном головном уборе, похожем на детский чепчик-переросток. Поднимаю голову и вижу в темноте смутные очертания трёхэтажного коттеджа с колоннами – по-видимому, тот самый «господский дом», в который везли меня похитители.

– Митька, поддержи, – приказывает дамочка любителю раздавать лещей, передаёт свечку в его услужливые руки и подносит к глазам очки с единственной дужкой. Вроде одета нормально (если не считать чепчика), на плечах шаль кружевная, а очки сломаны. Пока я размышляю над тем, как их можно починить, обладательница чепчика одаривает меня строгим взглядом выцветших голубых глаз и возмущённо восклицает:

– Но это не моя дочь!

3. Распутная барышня Дарья Алексеевна

– Как не ваша? Похожа ведь на нашу барышню – красотою лепа, как ягода румяна... Вот только простоволосая, растрёпанная и одеяние неподобающие её положению – подрастержла-то поди одёжки, пока по чащобам укрывалась, – пытается убедить дамочку мой бородатый похититель.

– Платон, я что, свою дочь не узнаю? Эта девица не моя Дашенька! Где вы вообще её нашли? Вы её похитили? Она дворянского рода? Почему вы её связали? – встревоженно щебечет странная особа. – Я не позволю моим крестьянам вести себя неподобающе! Да вас за такое нужно выпороть! В солдаты забрить!

– Ну так убегала же, – задумчиво чешет голову Платон. – Вестимо, что дворянского, на ненашенском что-то кумекала. Вот мы и подумали, что это наша барышня, видели её пару раз на господском дворе, подумали, что похожа...

– Что за зверство – похищать и связывать молодую девушку! Развяжите её скорее, охальники! – сердито приказывает пожилая дамочка, и мои похитители без промедления бросаются выполнять её указание. Интересно, она что, и правда может их выпороть? – Дитя моё, – обращается она ко мне в уже куда более миролюбивом тоне, – кто вы? Где ваши ро-

дители?

– Не помню, – отвечаю я, усаживаясь в телеге и с наслаждением разминая затёкшие от верёвки конечности. Реальность вокруг меня настолько неадекватная, что я лучше сначала разберусь, куда попала, а потом уже подумаю, стоит ли мне возвращать память.

– В горячке она, – вставляет своё словечко Лука. – Видели бы вы, барыня, как она по лесу от нас с Платоном улепётывала!

– Сгиньте с глаз моих, ротозеи, видеть вас не хочу, – сердито машет рукой дамочка. – Митька, ты куда, отдай сначала свечу Ваське, и чтобы я вас больше здесь не видела! Неудивительно, что от такого потрясения бедное дитя потеряло память! Маринка, пойди сюда, помоги бедной девушке подняться и отведи её в комнату моей Дашеньки. Приведи в порядок, накорми и дай отдохнуть, надеюсь, тогда воспоминания к ней вернутся.

Молодая девушка в светлом белом платье и с убранными наверх волосами помогает мне выбраться из телеги, Митька передаёт свечу светловолосому парню в старинном пиджаке, мои погрузневшие похитители низко кланяются строгой дамочке, и странное средство передвижения, на котором меня привезли, трогается прочь от коттеджа.

– Прикройтесь, дятя моё, ваша одежда вся изорвана, – дамочка снимает со своих плеч шаль и протягивает её мне, оставшись в длинной белой ночнушке.

– Спасибо, – я укутываюсь в шаль, только сейчас понимая, что от моих топа и того, что было под ним после лесных развлечений в компании Митьки, Луки и Платона практически ничего не осталось, и я стою возле дома этой странной особы практически топлес.

– Как вас зовут, дитя моё? – спрашивает дамочка, когда я в сопровождении неё, Маринки, и идущего впереди парня со свечой, по-видимому, Васьки, ступаю на деревянное крыльцо.

– Даша, – отвечаю я, постукивая костяшками пальцев по одной из колонн. М-м, деревянная? Интересно, они тут что, все помешаны на экоматериалах? Никогда раньше не видела трёхэтажных деревянных коттеджей, да ещё и с колоннами!

– Тёзка моей дочери Дашеньки! – печально вздыхает дамочка. – А меня зовут Марья Ильинична Елецкая, добро пожаловать в наше с супругом Алексеем Петровичем подмосковное имение.

– Приятно познакомиться, – устало говорю я, Васька открывает дверь, и мы попадаем в дом. Ух, как тут темно и пыльно, прямо как в комнате старшего брата Макса! Намного темнее, чем на улице, у них что, электричество отрубили?

Замечаю невдалеке тусклый свет ещё одной свечи, которую держит старичок в белом колпаке и длинной белой... Ночнушке? Вот те на, ещё один пациент Кащенко нарисовался. Сколько же их всего тут таких больных? Марья Ильинична, Васька, Маринка, теперь ещё этот загадочный деду-

ля...

– Алексей Петрович, душа моя, – обращается к старичку Марья Ильинична, – крестьяне нашли в лесу девицу, потерявшую память. Думаю, стоит приютить её у нас на время, тем более комната Дашеньки всё равно пустует. Как вы на это смотрите?

– Поступайте как знаете, любовь моя, в вашем разуме и прекрасном сердце я никогда не сомневался, – сонно кивает Алексей Петрович, по-видимому, тот самый муж, о котором Марья Ильинична говорила на пороге дома. – Дайте горничной распоряжения насчёт несчастной девицы и идите почитать, из-за вашей несказанной доброты вы совсем лишаете себя сна.

– Какой уж тут сон, когда я денно и ночью молюсь о том, чтобы нашлась моя Дашенька, – вздыхает Марья Ильинична, поправляя чепчик на голове. – Маринка, ты знаешь, что делать, приведи Дарью в порядок, выдай ей одежду и накорми.

– Будет сделано, – кланяется Маринка. У них тут что, у всех постоянная тяга к упражнениям на гибкость позвоночника? До этого мои похитители спины гнули, теперь вот ещё Маринка.

– Познакомимся с вами ближе за завтраком, – улыбается мне Марья Ильинична и отправляется со своим странным дедулей вверх по скрипучей деревянной лестнице. Мы с Маринкой в сопровождении Васьки со свечой отправляемся вслед за ними, только престарелая парочка ограничивается

вторым этажом, а мы поднимаемся выше. Проводив нас до нужной комнаты, Васька дожидается, когда Маринка зажжёт в комнате свечу, и только после этого уходит.

Насколько я сумела разглядеть в темноте, он вроде бы ничего такой, симпатичный. «Чёрт, Даша, что за ерунда тебе в голову лезет, думай лучше о том, куда попала, и как отсюда выбраться», – говорю я самой себе, нехотя откладывая оценку внешности Васьки по десятибалльной шкале в долгий ящик, и осматриваюсь.

Комната, в которую завела меня Маринка, выглядит довольно непривычно: странный балдахин над кроватью, большое старинное зеркало... Заперев дверь, Маринка выдвигает из глубины комнаты тазик с водой, наклонившись над которым я наконец-то смываю с себя грязь и прилипшие к коже еловые иголки.

– А какой сейчас год? – интересуюсь я у Маринки, умело поливающей меня водой из ковшика. Всё настолько странно, что от варианта с сумасшедшими реконструкторами я перехожу к всё более и более невероятным теориям.

– Тысяча восемьсот одиннадцатый, вы чего, барышня? Знать и правда голову повредили, – подтвердив мою теорию, Маринка принимается ещё более нещадно поливать мою бедовую головушку. Так, либо у жителей дома коллективное помешательство, либо мне стоит пересмотреть свои взгляды на возможность путешествий во времени.

– А ты точно ничего не путаешь? – уточняю я, сквозь мок-

рые волосы пытаюсь разглядеть мебель в комнате и длинное Маринкино платье. Но ничего, что хотя бы отдалённо намекало на современность, я так и не нахожу.

— Как можно напутать, я ведь даже грамоте обучена, при господском дворе выросла, — возмущённо выдаёт Маринка, отодвигает тазик, укутывает меня большим полотенцем и усаживает на кровать. — Когда я подросла, барыня сразу меня к себе в горничные взяла. Я всегда при ней — одеть, раздеть, пятки почесать. Благодаря этому даже в Москве довелось побывать, а не просто всю жизнь безвылазно сидеть в нашей деревушке. Как я с такими знаниями и опытом могу год-то не знать!

Пока я вытираюсь, недовольная моим предположением Маринка ныряет куда-то вглубь комнаты и выдаёт взамен сиротливо валяющихся на полу рваных остатков моей одежды длинную ночнушку.

— Что, есть такие, кто никогда не выезжал из вашей деревни? — офигеваю я, переодеваясь в местный наряд. На фигу такую длинную одежду шить? Радует только то, что ночнушка мне досталась более красивая, чем те, что я видела на Марье Ильиничне и её супруге.

— Ну конечно! Большинство баб и девок вообще никогда дальше господского имения не выходили! Дом, работа в поле, в лес по ягоды — вот и всё. Это мужики иногда ездят в город — что-то продать, что-то купить, — Маринка вооружается старинным подобием расчёски и её острыми зубчиками

начинает соскребать с моих ногтей остатки красного лака. – И чем это вы так испачкаться умудрились, еле оттирается! А это у вас откуда? – Маринка замечает у меня на левой руке старый шрам.

– Порезалась о разбившийся бокал, – выдумываю я на ходу. Не могу же я сказать этой девке, которая вполне может оказаться какой-нибудь моей пра-пра-бабкой, что бегала по заброшенному дому со страйкбольной винтовкой и напоролась на грёбанный штырь? Чтобы сменить тему, интересуюсь:

– А что там такое с дочкой Марьи Ильиничны? Где она? Почему все её ищут?

– О, это длинная история. Вы пока садитесь за стол, Васька скоро ужин принесёт, – закончившая с моими ногтями Маринка выдвигает один из задвинутых под стол деревянных стульев, которые я поначалу даже не заметила. – А насчёт дочки барыни... Поклянитесь именем Господа нашего, что никто не узнает о нашем разговоре, тогда расскажу.

– Клянусь именем Господа нашего, – киваю я, усаживаясь за стол. И почему она думает, что эта странная фразочка как-то может помешать мне проболтаться?

– Барышня с детских лет была обещан старшему сыну князя Орлова, – начинает рассказывать Маринка, выдвигая второй стул. – Господа считали, что это вопрос решённый, поэтому были неприятно удивлены, когда в начале лета барышня заявила, что хочет выйти замуж за безродного драгунского офицера, с которым случайно познакомилась во

время прогулки.

Раздаётся стук, так и не успевшая присесть Маринка бежит к двери и возвращается к столу с подносом, на котором стоят парочка тарелок, чашка и металлический чайник.

– Окрошка с сегодняшнего ужина, угощайтесь, – Маринка опускает на стол поднос, ловко ставит передо мной тарелку, и я за обе щеки начинаю уминать холодный суп. А Маринка тем временем садится возле меня и продолжает свой рассказ:

– Чтобы заставить барышню забыть о низкородном возлюбленном, Марья Ильинична и Алексей Петрович покинули Москву, и перевезли неразумную дочь в своё подмосковное имение. Но, очевидно, распутная барышня успела сговориться со своим низкородным кавалером, потому что не прошло и дня, как Дарья Алексеевна исчезла в неизвестном направлении, прихватив парочку платьев и горничную Марфушку. Эх, не поздоровится Марфушке, если её найдут – одной поркой не отделаётся, продадут хозяину посуровее, чтобы мало не показалось.

– В смысле «продадут»? – от удивления я аж чуть не подавилась. – Как можно кого-то продать?

– Как-как, как все господа продают своих крестьян, – удивляется моему непониманию Маринка. – Я вот ежели чего натворю, барыня мне завсегда грозит, что продаст с молотка ироду какому-нибудь. Но, конечно, она это несерьёзно, конечно, так-то она у нас добрая.

Да уж, специфические тут понимания доброты. Надеюсь,

меня никто не примет за крестьянку – не хочется, чтобы кто-то попытался меня продать!

– А чего вообще такого в том, что барышня сбежала со своим парнем? – недоумеваю я. – Ну, захотела выйти за другого, зачем запрещать-то надо было?

– Как вы можете такое говорить, знать и правда головой повредились! – смотрит на меня как на душевнобольную Маринка. – Променять жизнь княгини на жизнь жены бедного офицеришки (и это ещё в лучшем случае, вдруг он вообще на ней не женится?) в высшей степени неразумно! Да даже если он на барышне и женится – никакого счастья ей с ним не будет без родительского благословения! А уж родителям-то какой позор, не углядели за младшей дочерью! Какие теперь слухи в свете пойдут, какие толки!

– О как, – озадаченно выдаю я, усиленно работая ложкой. Станные, однако, нравы в девятнадцатом веке, очень странные.

– Марья Ильинична и Алексей Петрович всполошились, ведь жених Дарьи Алексеевны совсем скоро из Турции вернётся. Он там воюет под руководством генерала Кутузова, и отпросился исключительно ради того, чтобы сочетаться законным браком, – продолжает Маринка. – Барыня понадеялась успеть вернуть барышню к приезду жениха, потому не стала предавать побег огласке. Собрала мужиков, заставила поклясться на Священном Писании, что кроме них ни единая душа не узнает о пропаже молодой барышни, и отправи-

ла на поиски.

– Спасибо, – отодвигаю я от себя пустую тарелку, и передо мной, как по волшебству появляются чашка чая и блюдо с пирожками. Ловкость рук – сверхспособность местных горничных? М-м-м, вкусотища-то какая, с вишней. Кстати, что у них тут за традиции такие? Маринка меня просила клясться именем Господа, мужики клялись на Священном Писании... Станные люди, очень странные. Не озвучивая своих мыслей, продолжаю уминать пирожки и слушать историю о «распутной барышне».

– Но кроме вас мужики так никого не нашли, вероятно, далеко Дарья Алексеевна сбежала со своим офицериком. Эх, не избежать теперь господам позора! Особенно Марья Ильинична боится, что бесстыдное поведение неразумной барышни скажется на старшей дочери – она ведь одна из фрейлин самой Елизаветы Алексеевны, – выразительные глаза Маринки пугающе поблёскивают в темноте.

– Елизавета Алексеевна? А это ещё кто такая?

– Как можно не помнить имя супруги нашего императора? Сильно же вас, наверное, по голове приложили, – вздыхает Маринка. – Вы хоть имя нашего императора-то помните?

– Э-м-м, Александр? – тыкаю пальцем в небо. Хоть убей, не помню, кто из царей в тысяча восемьсот одиннадцатом правил. Но, кажется, Александров несколько было, так что шансы угадать куда более высоки, чем с каким-нибудь Павлом.

– Слава богу, хоть имя самодержца нашего не забыли, – облегчённо вздыхает Маринка, – значит, скоро поправитесь. А то я уж, грешным делом, подумала, что совсем у вас дела плохи.

«Чёрт, за что мне весь этот бред», – устало думаю я, когда Маринка сопровождает моё побитое и объевшееся тело в постельку под балахончиком.

– Ночной горшок под кроватью, – говорит на прощанье горничная, подтыкает мне одеяло, забирает со стола поднос, с пола мои рваные шмотки, тушит свечу и уходит.

Мало того, что ни света, ни водопровода, так ещё и санузла нет! Какая прелесть! Кажется, я готова всерьёз поверить, что это не дурацкая шутка, не случайная встреча с сумасшедшими любителями истории, а настоящее путешествие в тоскливое малообразованное прошлое. И впереди у меня целая ночь, чтобы подумать о том, как такое возможно, и решить, что делать дальше, если это действительно так.

Всё равно уснуть не получится – голова трещит сильнее, чем после студенческой гулянки, вдобавок ещё настенные часы омерзительно тикают, по башке себе потикайте... Итак, приступим к генерированию гениальных идей, распутная барышня Дарья Алексеевна. По забавной случайности у меня с дочуркой местной «барыни» не только имя, но и отчество совпадает.

4. Я буду вместо, вместо, вместо неё

Из-за последствий чёртовой оплеухи нормально поспать мне так и не удалось. Голова трещала нестерпимо, в лучшем случае часок успела вздремнуть, прежде чем пришедшая с утра пораньше Маринка объявила, что пора собираться к завтраку.

Бессонницу я использовала с умом – всю ночь вспоминала, что отличало так называемых «барышень» от простолюдинок. То, что меня приняли за барышню, вселяло определённые надежды – после беседы с Маринкой я поняла, что разuverять Марию Ильиничну нельзя ни в коем случае. А то продаст ещё кому-нибудь! Не хотела бы я получить незабываемый рабский опыт.

Так что я поднапрягла память, припомнила уроки истории и литературы, и вот какой список необходимых компетенций у меня получился: говорить по-французски, играть на музыкальных инструментах и танцевать. Короче, три ноль не в мою пользу. Ну, танцевать и музицировать мне в ближайшее время, надеюсь, не придётся, а вот с французским придётся как-то выкручиваться.

– Позор-то какой, – причитает Маринка, умывая меня всё над тем же тазиком. – Князь Владимир не сегодня завтра бу-

дет в нашем имении, чтобы сопроводить Дарью Алексеевну в Москву, а Дарьи Алексеевны-то и нет!

– Князь Владимир – это жених? – интересуюсь я, умывая свою опухшую от недосыпа мордашку.

– Нет, младший брат жениха, – просвещает меня словоохотливая Маринка. – С женихом барышня должна была только в Москве увидеться, он должен был приехать за благословением старого князя на брак, жениться, и после медового месяца вернуться обратно на службу. А Владимир – птица вольная, возвращается с учёбы за границей и благосклонно согласился сопроводить невесту брата и её родителей в этом небольшом путешествии.

– Эх, не повезло Владимиру. Не судьба свидеться со старой знакомой, – ухмыляюсь я, умывая шею под струёй воды из ковшика. Мне определённо начинает нравиться эта Дарья Алексеевна, обломавшая столько чужих планов за раз.

– С какой такой знакомой? Князь Владимир и наша барышня не знакомы, – удивлённо приподнимает брови Маринка.

– Как незнакомы? Она что, родного брата жениха не знает?

– Нет, конечно, князь Владимир всё детство и юность провёл за границей, постигал заграничные премудрости.

– А жениха она хотя бы знает? – ехидно интересуюсь я, вытирая лицо и шею услужливо поданным Маринкой полотенцем.

– Да, с Андреем Сергеевичем Дарья Алексеевна знакомы, – с достоинством отвечает Маринка. – Когда барышне шёл девятый год, родители договорились со старым князем о браке, вот тогда она и видела князя Андрея Сергеевича. А ещё у неё был его портрет, оставила, когда из дома сбежала – девушка берёт со столика медальон, раскрывает его и показывает мне маленькую акварель, на которой изображён бравый усатый мужчина.

У него что, бритвы нет? Зачем ему эти дурацкие усы? Да уж, понимаю я эту Дарью Алексеевну. От жизни с малознакомым усачом я бы тоже сбежала!

Одной только помощью с умыванием не обходится, кажется, Маринка принимает меня за полностью недееспособную гражданку. Отложив медальон, она собственноручно наряжает меня в длинное белое платье с рукавами-фонариками, очень похожее на наряд, в котором я спала, творит какую-то фигню с моими волосами, и только после этого ведёт на первый этаж, откуда уже доносится потрясающий аромат кофе и запах чего-то съестного.

При свете дня я ещё отчётливее вижу, насколько тут всё старинное: скрипучая деревянная лестница, висящие вдоль неё портреты граждан и гражданочек в париках, закреплённые в некоторых частях стен закоптелые подсвечники с расплывшимися остатками воска вместо свечей. Будто в музей попала!

Маринка проводит меня в гостиную или столовую, где

Марья Ильинична и Алексей Петрович (как ни странно, без любимых в этом доме длинных белых ночнушек) уже сидят за покрытым светлой скатертью большим столом. Возле стола навтыжку стоит знакомый мне Васька, одетый весьма экстравагантно – в длинный красный пиджак, белые чулочки и красные бриджи. Наверное, всё самое яркое досталось Ваське, потому что наряды Марьи Ильиничны и Алексея Петровича в глаза так сильно не бросаются.

– Доброе утро, – я неловко приседаю, изображая нечто похожее на то, что делали актрисы в фильмах, снятых по классике. – Простите мне мою неловкость, я ещё не совсем здорова.

Если я капитально напортачила с «приседанием», лучше сразу подготовить пути отхода.

– Доброе утро, дитя моё, – Марья Ильинична с дружелюбной улыбкой привстаёт со своего места, и доброжелательно мне кивает. – Как вам спалось?

Облегчённо вздыхаю, значит, с «приседанием» всё в порядке.

– Спасибо, всё прекрасно, – усаживаю свою пятую точку на старинный деревянный стул с мягкой обивкой, который оперативно выдвигает для меня Маринка, и присоединяюсь к завтраку. М-м, а еда тут, судя по всему, ничего так, и кофеёк такой ароматный ...

– Как ваша память? – интересуется Алексей Петрович, едва я только успеваю отпить из изящной фарфоровой чашеч-

ки. Эх, судя по всему, вместо завтрака придётся трюндеть о моём мнимом беспамятстве.

– Всё так же, – печально вздыхаю я, уминая булочку с корицей. – Только имя своё и помню, больше ничего. Даже французский язык из головы выветрился, так сильно вчера головой ударилась. Ещё ваши крестьяне меня так сильно напугали...

– Не волнуйтесь, эти охальники обязательно будут наказаны, – сурово утешает меня Алексей Петрович. Надеюсь, он не хочет их выпороть или ещё что-то в этом роде? Припоминаю, вчера Марья Ильинична говорила что-то о порке. Надо как-то оправдать этих придурков, не хочу, чтобы из-за меня им досталось!

– Что вы, я очень благодарна вашим людям, за то, что они меня нашли, не нужно их наказывать! Если я была одна в лесу, то наверняка попала в какую-то беду. Может, меня ограбили по дороге? Есть тут поблизости дорога?

– Да, на Москву, – кивает Марья Ильинична. – Нужно будет поспрашивать у соседей, не было ли какого происшествия в последние дни, может, удастся выйти на след ваших родных. Не могли же вы в столь юном возрасте путешествовать в одиночку!

– Спасибо за помощь, – благодарно вздыхаю я и делаю испуганные глаза. – Если бы не вы и не ваши крестьяне, страшно представить, что бы могло со мной случиться!

– Что вы, дитя моё, не нужно благодарности, помогать

ближним – долг каждого христианина. Мы с супругом не можем оставить вас в таком плачевном состоянии, – слышу в голосе Марьи Ильиничны коварные нотки, и наостряю уши. У неё есть ко мне какое-то интересное предложение? Если всё именно так, как описала мне Маринка, и живущие в девятнадцатом веке действительно так сильно зависят от общественного мнения, это может сыграть мне на руку.

– Предлагаем на время занять место нашей дочери, – Марья Ильинична завершает фразу именно так, как я и предполагала. – Вы на неё похожи, да и возраст тот же, восемнадцатый год шёл нашей Дашеньке... То, что мы с вами встретились, несомненно, знак Божий. Господь внял нашим молитвам и послал нам вас, дабы мы могли доказать, что, несмотря на все испытания, сохранили в своём сердце любовь!

– Благодарю вас! Если бы не вы, мне совсем некуда было бы идти, – отодвигаю от себя пустую чашечку из-под кофе и восторженно прижимаю руки к груди. То, что мне двадцать, а не семнадцать, предпочитаю разумно умолчать.

– Хорошо, что учитель танцев и француженка ещё не успели покинуть наше имение, – Марья Ильинична сразу берёт быка за рога. – Маринка, сбегай к ним, скажи, чтобы вещи не паковали, у них в ближайшие дни будет много работы. Пусть спустятся в гостиную и вспомнят с Дарьей азы, чтобы брат князя ничего не заподозрил. А дальше посмотрим, найдутся ли родные Дарьи, и решим, что делать дальше.

После завтрака Пётр Алексеевич уходит, Марья Ильинич-

на дожидается, пока Маринка и Васька убирают со стола, и устраивает «смотрины» моих скудных умений. Грассирующая француженка мадемуазель Дюбуа и старенький учитель танцев Павел Аркадьевич приходят в ужас от моих «танцов».

– Ни единой гаммы порядочно сыграть не можете, ни одного предложения по-французски повторить без ошибок не в состоянии! – всплёскивает руками по уши напудренная гувернантка, когда я с чувством выполненного долга встаю из-за пианино. – И с пением совсем беда! Ни единого романса не знает!

– Ни единого «па» чисто не выходит! – хватается за голову учитель танцев, после того как мы с ним проделываем по паркету гостиной несколько вальсовых троек. Это ему ещё повезло, что мы с вальса начали, вальс я хотя бы три года назад на выпускном танцевала. А вот если бы дедуля попытался вытащить из меня неведомые мне менуэт или полонез, без оттоптанных ног явно бы не обошлось.

– Всё в порядке, до приезда князя ещё не меньше суток, – изучающая меня сквозь очки с одной дужкой Марья Ильинична не теряет присутствия духа. – Мадемуазель Дюбуа, ваша задача – вспомнить с Дарьей с десятков самых распространённых фраз и уделить внимание манерам, Павел Аркадьевич, поработайте с Дарьей над осанкой, этого пока, пожалуй, хватит. Дарья, сегодня вы весь день посвятите занятиям, надеюсь на ваше усердие.

– Буду стараться, – киваю я, с ужасом представляя, какой приятный денёк меня ждёт. Манеры, французский – я вам что, гуманитарий какой-то? Я бы лучше физикой или математикой занялась! Жаль, что выбора мне не предоставили.

Когда вечером Маринка переодевает меня в ночнушку, и я без задних ног заваливаюсь в кроватку под балдахином, ко мне заглядывает Марья Ильинична.

– Мадемуазель Дюбуа и Павел Аркадьевич довольны вашим усердием, всё намного лучше, чем было с утра, – дамочка усаживается на край моей кровати. – Как ваше здоровье? Может, всё же стоит перестраховаться? Доктор Бельский – отличный врач, использует только лучшие современные методы – мышьяк, ртуть, кровопускания, медицинских пиявок...

– Нет, нет, что вы, мерси, я совершенно здорова, – уверяю я неадекватную дамочку, явно желающую моей скорейшей смерти. Не хочу я окочуриться в этом дурацком безграмотном веке от какого-нибудь яда или потери крови, я хочу вернуться домой и жить долго и счастливо! Поэтому забываю о головной боли, головокружении, шуме в ушах и прочих симптомах сотрясения мозга, усугубившихся после экзекуций по работе над осанкой и изучением французского, и бодренько выдаю:

– Память моя по-прежнему слаба, но благодаря вашей заботе и сегодняшним занятиям чувствую я себя прекрасно! Единственное, что мне сейчас нужно – это здоровый сон.

– Как знаете, дитя моё, – сокрушённо вздыхает Марья Ильинична. – И да, с этого дня можете называть меня «маменькой», думаю, так будет намного удобнее. А если всё же надумаете, мы с супругом с радостью вызовем доктора Бельского. Уж он обязательно позаботится, чтобы к приезду князя Орлова вы были в добром здравии. Спокойной ночи.

– Хороших снов, маменька.

Да уж, повезло мне. Моя новоявленная маменька, как бы помягче выразиться... Полный гуманитарий. Как в русском переводе моего любимого фильма «Семейка Аддамс»: «Основная специальность – заклинания и порча? Так и запишем, гуманитарные науки».

Как только чокнутая дамочка выходит из моей комнаты, я мигом убираю с лица радостное выражение и начинаю спокойно страдать от головной боли. У-у, тупой Платон, не придумал ничего лучше, чем таскать меня по лесу вниз головой после сотряса, а мне теперь последствия расхлёбывать. Ни но-шпы, не пенталгина в этом дурацком веке наверняка ещё нет!

Интересно, что там за князь такой на днях приедет? Тоже, поди, гуманитарий...

5. Особенности женского гардероба

Из-за вчерашних дурацких занятий я не успела толком изучить ни дом, ни то, что вокруг него, поэтому встаю пораньше, умываюсь, меняю ночнушку на какое-то светлое платье, найденное в шкафу, и отправляюсь на разведку. Помимо моей комнаты на третьем этаже есть ещё парочка закрытых дверей, замки которых я пока решаю не вскрывать (а то подумают ещё, что я вор-медвежатник) и выход на балкончик, расположенный на фасаде дома. На него я и выхожу, чтобы хорошенько рассмотреть окрестности.

Свесившись за резные деревянные перильца, вижу возле крыльца несколько цветочных клумб и аккуратные дорожки, одна из которых, более широкая, ведёт к большим воротам, а несколько более узеньких – то ли в сад, то ли в парк с затерявшейся между деревьев беседкой. Слева от дома располагается небольшая пристройка и парочка деревянных сооружений, больше похожих на сараи, чем на жилые дома – наверное, какие-то хозяйственные постройки.

Вокруг них суетятся несколько крестьян, затаскивают внутрь какие-то тюки, кажется, с сеном. Может, одно из сооружений – конюшня? Надо пойти проверить. А то пока меня везли из леса, я даже лошадку толком не разглядела! Ти-

хонько спускаюсь по лестнице на первый этаж, осторожно приоткрываю тяжёлую дверь, выхожу на крыльцо и бегу в сторону хозяйственных построек.

– Доброе утро! Вы будете лошадей этим кормить? – ки-
ваю на тук соломы в руках у мрачного бородатого мужика,
а потом на сарай, из которого доносится топот копыт, – это
же конюшня?

Мужик ошарашенно на меня смотрит, изображает нечто
вроде поклона, но ничего мне не отвечает. На моё счастье,
из конюшни выходит обладатель бороды с более доброжела-
тельным лицом, тоже на пару секунд зависает, но потом всё
же отвечает на моё приветствие и объясняет мрачному:

– Матвей, это гостья нашей барыни, поздоровайся с ней
как следует, – и уже обращаясь ко мне, – да, барышня, это
конюшня. Извольте взглянуть?

– Да, конечно, – с радостью соглашаюсь я, и направляясь
вслед за смущённо буркнувшим нечто приветственное Мат-
веем.

– Вы на него не сердчайте, он второй день всего на господ-
ском дворе, взамен проштрафившегося Платона, ещё не по-
обтесался как следует, – объясняет мне приветливый стран-
ное поведение неразговорчивого. – Меня Демьян зовут, я
здешний конюх, а коней – Амур, Голиаф, Алкид и Арес.

Немного привыкнув к полутьме конюшни, я разглядываю
фыркающих в стойлах животных. Двое чёрные, третий ко-
ричневый, четвёртый белый. Красивые, лошадка, на которой

меня привезли, была помельче и выглядела попроще. Да и с именами этим длинногривым красавчикам явно повезло больше, чем крестьянам. Кажется, господа увлекаются греческой мифологией, раз такие пафосные клички лошадям дали.

– Барышня, вы бы того, поостереглись по грязи-то ходить! Лучше в яблоневый сад идите прогуляться, там и почище, и покрасивее, – советует Демьян после того, как я уже минут десять брожу между стойлами, пялясь на жующих коней. – Не барское это дело в конюшне пачкаться.

– Говоришь, яблоневый? Наверное, яблоки уже спели, и правда стоит до него прогуляться. Хорошего дня, – киваю я конюхам, и под ответные пожелания Демьяна и неловкий поклон чистящего стойла Матвея покидаю конюшню.

Яблоки и правда оказываются неплохими, поэтому набрав штук пять в подол, я устраиваюсь на деревянной скамеечке в беседке, вгрызаюсь в самое симпатичное из набранных яблок и строю планы по возвращению домой.

Последнее, к чему я прикасалась, прежде чем телепортировалась в этой ужасное время и дурацкое место – часы, подаренные императором какому-то странному парню. Как сказал Макс, «то ли магу, то ли волшебнику». Тогда я решила, что это просто антинаучный бред и фантазии его больного на голову брата-историка, но теперь эта фраза приобретает совсем другой смысл.

Насколько я помню из уроков истории, полезные для го-

сударства парни обитают или в Москве, или в Питере. Так что поездка в столицу для бракосочетания будет мне на руку. Главное, чтобы в ближайшие дни не нашлась настоящая Дарья Алексеевна, желаю ей убежать как можно дальше и спрятаться как можно лучше.

Ума не приложу, что я буду делать и как буду искать незнакомого мужика с часами, главное – добраться до Москвы. А для этого мне нужно будет как минимум не сильно испортить впечатление о себе у брата жениха, чтобы после знакомства со мной он не побежал рассказывать всем своим родственникам, что Дарья Алексеевна на всю голову больная и лучше её к себе близко не подпускать.

От мыслей о возвращении меня отвлекает машущая из-за деревьев Маринка:

– Барышня, скорее сюда! Еле нашла вас, хорошо, что мужики сказали, в какой стороне искать! Князь Владимир приехал раньше урочного срока, и вас уже давно ждут за завтраком, чтобы ему представить! Проходите скорее в гостиную, а я пока на кухню сбегая, князь любит яичницу с ветчиной на аглицкий манер, распоряджусь, чтобы Прасковья сделала.

– Ой, пусть мне тоже сделает, – кричу я вслед убегающей Маринке, роняю несъеденные яблоки на пол беседки и спешу в дом. А вкус на еду у Владимира ничего так, белки с утреца это хорошо, а то вчера мне за завтраком ничего сытнее булочек не перепало. Хорошо хоть за обедом было повеселее – и щи, и мясо, и рыба, и пирог со странным названием

«кулебяка».

Возле конюшни замечаю сине-золотистую карету, из которой Матвей, Демьян и какой-то парень, одетый более цивилизованно, выпрягают взбрыкивающего тёмно-серого коня. А транспорт у князя ничего такой, модненький. Надо будет потом хорошенько рассмотреть карету, а то я даже не в курсе, на чём здесь принято ездить. А ещё найти карету Елецких, они ведь тоже на чём-то ездят. Но всё это после завтрака.

За большим столом в гостиной уже все в сборе: Мария Ильинична в нарядном сиреновом платье, Алексей Петрович в коричневом камзоле, кажется, это так называется, напудренная мадемуазель Дюбуа, сосредоточенный учитель танцев Павел Аркадьевич, возле стола навытяжку стоит Васька, готовый предугадывать каждое желание своих хозяев.

Темноволосый молодой человек в тёмно-синем фраке с серебристыми пуговицами поправляет пижонский галстук, завязанный пышным бантом, и поднимает на меня глаза. Синие. Только не тёмные, а как море в хорошую погоду, когда самые короткие лучи солнечного спектра рассеиваются во всех его направлениях, придавая воде яркий насыщенный оттенок.

Ну и бред мне в голову лезет, наверное, в свете последних событий разум помутился! Иначе я не заглядывалась бы на парней, сочиняя про себя оды цвету их глаз, вместо того, чтобы думать, как поскорее отсюда выбраться. Кстати, в от-

личие от брата, чей портрет я видел в медальоне, у синеглазого нет дурацких усов, ещё один плюсик к карме...

К счастью, синие глаза князя одаривают меня таким презрительным и надменным взглядом, что из моей головы мигом вылетают все фривольные мыслишки. Эх, Володька, не бывать тебе моим крашем, больно уж ты пафосный.

Заглядевшись на князя Владимира, я не сразу замечаю отчаянные знаки, которые подаёт мне Марья Ильинична, и испуганный взгляд мадемуазель Дюбуа. А когда замечаю, всё равно не понимаю, в чём дело. У меня что-то на лице? Или на платье пятно поставила?

– Извините, милый Вольдемар, моя дочь плохо спала, поэтому и допустила такую непозволительную оплошность, вынуждены ненадолго вас покинуть, – Марья Ильинична с удивительной бодростью вскакивает из-за стола, хватая офигевшую меня за руку и утаскивает из гостиной, гувернантка выбегает за нами следом.

– Что это такое? Почему вы спустились на завтрак в пеньюаре? Мадемуазель Дюбуа, куда вы смотрели? Куда Маринка смотрела? Где были ваши глаза? – сердито шепчет разъярённая дамочка. – Какой позор, скорее идите переодевайтесь! И куда эта нахалка запропастилась, надо будет всыпать ей как следует за то, что не доглядела! И с вами, мадемуазель Дюбуа, мы ещё поговорим!

– Простите, никто не виноват, это я спросонья перепутала, – пытаюсь я оправдать себя, француженку и горничную.

Тыфу ты! Так значит платье, которое я достала с утреца из шкафа, оказалось ночнушкой! Дурацкие времена, дурацкие наряды!

В компании перепуганной мадемуазель бегу в комнату, нахожу в шкафу платье, в котором ходила вчера, переодеваюсь и возвращаюсь вниз. Пока меня не было, Маринка уже принесла яичницу, и теперь непонимающе стоит рядом с Васькой, не догоняя, почему барыня кидает на неё такие сердитые взгляды.

Вооружённый ножом и вилкой Владимир отвлекается от своей тарелки и радуется моему сочувственному взглядом по типу «что взять с этой умалишённой». Марья Ильинична представляет нас друг другу, и я, наконец, добираюсь до яичницы, а то одними яблочками из сада сыта не будешь.

Ненадолго подняв глаза от тарелки, в очередной раз ловлю на себе презрительный взгляд Владимира. Теперь-то что не так?

– У нашей Дашеньки всегда был хороший аппетит, – от Марьи Ильиничны тоже не укрывается внимание этого сноба к моему приёму пищи. – Если у девицы хороший аппетит, значит, и наследников мужу здоровых подарит, наверное, уже хотите понянчиться с племянниками?

Тыфу ты, от таких комментариев мне аж не по себе становится, что она несёт? Какие ещё наследники? Я просто хочу потусить в Москве, найти хозяина часов и свалить домой!

– Не думал об этом, – дипломатично отвечает князь. Ка-

жется, «маменька» вызывает у него ненамного больше восторга, чем «Дашенька».

– Каким наукам обучались за границей? Слышал, вы долгое время жили в Германии? – благоразумно меняет тему Алексей Петрович.

– Да, Дрезден – чудесный город, – кивает Владимир. – Обучался философии и гуманитарным наукам, потом полгода путешествовал по Европе – Италия, Швейцария, Франция, когда ещё обстановка там была поспокойнее.

Так-так, да Володька у нас мажор. Насколько я понимаю, опираясь на опыт, полученный во время прочтения комедии «Недоросль», не все дворяне за границей обучались и по полгода путешествовали.

– Франция, чудесная страна! Возможно, вам довелось видеть самого Наполеона Бонапарта? – восторженно интересуется Алексей Петрович.

– Лично Наполеона не видел, но много о нём наслышан, – отвечает Владимир, и оставшуюся часть завтрака рассказывает то, что я когда-то давно заколебалась слушать на уроках истории. Один есть плюс в его болтовне – никто больше не обращает внимания на меня и мой аппетит, поэтому, покончив с яичницей я спокойно принимаюсь за кофеёк и булочки.

После завтрака Алексей Петрович и Владимир отправляются прогуляться по имению, а я в компании Маринки, Марьи Ильиничны и мадемуазель Дюбуа иду паковать вещи –

князь не собирается долго задерживаться, поэтому уже завтра утром мы должны отправиться в Москву.

Весь день мы пакуем вещи, а Марья Ильинична и француженка просвещают меня на тему того, чем платье отличается от ночнушки, и того, как благовоспитанная девица должна вести себя за столом. Например, не демонстрировать излишнего аппетита.

Дурацкие времена, дурацкие нравы! Теперь вся надежда на хозяина часов и то, что мои предположения, основанные на фильмах и сериалах, окажутся верными. Иначе я вообще ума не приложу, как существовать в этом бредовом мире!

Только после ужина у меня удаётся улизнуть и смыться в беседку. Как же меня всё задолбало! Хорошо, что хотя бы здесь меня никто не видит, можно хотя бы немного побыть собой. Задираю платье, усаживаюсь с ногами на лавочку, и сквозь малочисленные просветы между усыпанными яблоками деревьями любуюсь сиренево-оранжевым закатом.

Ещё одна ночь – и меня ждёт путешествие в транспортном средстве под названием «каре́та», освоение в московском особняке, поход на парочку балов... Марья Ильинична обещала, что танцевать мне там не придётся, просто в сторонке постою, но с учётом того, что с нами едет учитель танцев, я сильно в этом сомневаюсь. Так что сейчас самое время перевести дух и морально подготовиться к новым трудностям.

– Сочувствую своему брату. Такую невоспитанную девицу

придётся в жёны взять. И как отец на это согласился?

Поспешно опускаю ноги с лавочки, но от внезапно появившегося из-за яблонь Владимира моя удобная, но такая неподходящая невинной девице поза, судя по всему, не укрывается.

– Не мог устоять перед моим детским очарованием. Как увидел восьмилетнюю меня, так сразу понял, что я его будущая сноха, – ухмыляюсь я. Чего уж теперь строить из себя благовоспитанную барышню, в ночнушке он меня уже видел, с задранными на лавку ногами тоже.

– Жаль, что очаровательный ребёнок не вырос в очаровательную барышню, – парирует надменный князёк.

Уфф, какие мы токсичные! И как он вообще мог показаться мне симпатичным? Вспомни, Даша, тебе нравятся высокие блондины, а не пафосные коротышки во фраках. А в этом дремучем веке тебе вообще никто не нравится, ведь все твои мысли направлены на то, как отсюда выбраться. Ну, или почти все – нельзя просто так упустить шанс подколоть пафосного Володьку, пока никто нас не видит.

– Понимаю, почему вы ставите под сомнение моё очарование. Бойтесь влюбиться в невесту брата? – выхожу из беседки, и невинно хлопая глазками, в упор плююсь на князя. Синие. Какие же синие у него глаза.

– Вы забываетесь, – даже в сумерках я замечаю, как Владимир краснеет и на долю секунды опускает взгляд. – До встречи в Москве. Надеюсь не увидеть вас во время путеше-

ствия, хорошо, что у нас разные кареты.

– Если ваша вдруг сломается, мы с родителями с удовольствием пригласим вас в нашу. Учитель танцев может посадить вас к себе на коленки, – смеюсь я вслед уходящему в сторону дома княжичу. Блин, и почему мне так хочется говорить ему гадости?

6. Путешествие из деревни в Москву

Выезжаем засветло. Марья Ильинична, я, Маринка и мадемуазель Дюбуа усаживаемся в тёмную громоздкую карету Елецких, а Алексея Петровича и учителя танцев Владимир приглашает в свою понторезную золотисто-синюю. Как и мечтал заносчивый княжич, мы с ним практически не пересекаемся – только сухо киваем друг другу издалека и расходимся по экипажам.

Пока усаживаемся, успеваю рассмотреть, как деревянная остеклённая коробка кареты крепится к четырём деревянным колёсам с железными шинами, и увиденное особого восторга во мне не вызывает. Надеюсь, по дороге не развалится, не хотелось бы бесславно погибнуть в этой допотопной конструкции.

Васька в очередном ярком костюмчике уже сидит на облучке кареты, задорно пощёлкивая хлыстом, из-за чего запряжённые в карету вороные Алкид и Голиаф вздрагивают и поводят ушами. На все руки мастер этот Васька – и у стола красиво постоять во время обеда может, и каретой ещё, оказывается, управлять умеет.

Для поездки Маринка нарядила меня в закрытое серое платье с длинными рукавами. Наконец хоть что-то нормаль-

ного цвета, не надо переживать о том, как бы не посадить пятно или не перепутать с ночнушкой. Удобно разваливаюсь на мягком бордовом сиденье, такого же цвета, как внутренняя обивка кареты, отодвигаю от окна тёмно-зелёную занавеску и тут же получаю тычок от мадемуазель Дюбуа:

– Сидеть полагается прямо, ноги вместе, где ваши манеры!

Думаю о том, что хорошо бы этой дамочке любителей мэнспрединга из московского метро на перевоспитание отдать, и неохотно принимаю менее удобную позу. Даже посидеть нормально не дают! Я-то надеялась хотя бы минимальное удовольствие от тряски в этом сомнительном транспортном средстве получить.

– Отличное замечание, мадемуазель Дюбуа, как чудесно, что мы остались в чисто женской компании, – улыбается Марья Ильинична, когда карета трогается. – Сможем спокойно подготовить Дарью к знакомству с отцом жениха и выходу в свет. С большими балами в ближайшие дни рисковать не будем, а вот на пару небольших камерных вечеров выберемся.

Всю долгую и на редкость муторную дорогу Марья Ильинична болтает о том, что мне нужно сделать, чтобы произвести на наивных граждан впечатление благопристойной барышни из высшего света.

Несмотря на то что моя названная маменька отправила бойких деревенских мальчишек с письмами ко всем своим соседкам по имению, спрашивая, не произошло ли что по-

близости в последние дни, что-то разузнать и найти моих родственников ей, конечно же, не удалось. Поэтому она с ещё большим рвением пытается вылепить из меня подобие своей сбежавшей дочери.

Неужели и правда собирается меня вместо неё замуж выдать? Ну уж нет! Разберусь, что к чему, найду злосчастные часы, и поминай как звали, женихи с усами определённо не мой профиль!

Если убрать из болтовни Марья Ильиничны всю воду, от меня требуется: не возникать (а в идеале вообще пореже открывать рот), приветливо улыбаться (но не слишком этим злоупотреблять, чтобы не прослыть дурочкой), держать осанку (но не казаться при этом слишком гордой и заносчивой), периодически вставлять в речь французские словечки (но не слишком часто, чтобы не выдать незнание языка), когда со мной говорят по-французски, делать вид, что понимаю (главное, не рассказывать никому, что я там «поняла»).

Пока Марья Ильинична вдохновенно читает мне лекцию, я тихонько отодвигаю занавеску и с любопытством наблюдаю сменяющиеся за окном кареты пейзажи. В синеватой утренней дымке передо мной проплывают леса, поля, небольшие деревеньки, состоящие из одноэтажных домиков – в общем, ничего особо интересного для столичной девушки из двадцать первого века.

Чтобы хоть как-то себя занять, начинаю вспоминать Макса и наш несостоявшийся поцелуй. Вот Макс проводит рукой

по моей щеке, вот я обхватываю его за шею... Чёрт, это же не Макс, а Владимир! Опять этот пафосный княжич мне всё портит, даже в голову ко мне уже забрался! Такое приятное воспоминание запорол... Возмущённо встряхиваю головой, открываю глаза и продолжаю «наслаждаться» болтовнёй Марьи Ильиничны.

– То, что вы, скорее всего, даже не дворянка, я уже догадалась. Либо девушка, выросшая при господском доме, либо из очень захудалого рода, практически не получившая образования. Вот мы нашей Дашеньке каких только учителей не нанимали... Правда, это не помогло ей сделать правильный выбор. Одно радует – у вас живой ум и вы быстро всё схватываете, – задумчиво, как будто сама себе, говорит моя «маменька», и вдруг оживляется, – Надеюсь, вы хотя бы невинны?

– К сожалению, да, – грустно вздыхаю я. Ещё бы, дожила до двадцати лет, а отношений ни разу не было. Только-только появился Макс, как меня в этот дурацкий век закинуло. Тут хочешь не хочешь, а невинность сохранишь.

Маринка тихонько прыскает в кулак, мадемуазель Дюбуа осуждающе заводит глаза, а Марья Ильинична хватается за голову и награждает меня ошалелым взглядом, и с ещё большим энтузиазмом принимается за нравоучения:

– Дитя моё, вам нужно яснее формулировать свои мысли! Воспитанная барышня сказала бы, что мечтает о семье, ведь в её годы уже давно пора иметь мужа и детей, поэтому сожа-

леет, что до сих пор ходит в девицах! Но ни в коем случае не сожалеет, что до сих пор невинна! Никому больше такое не говорите! Невинность – это дар Божий, ею нужно гордиться!

– Хорошо, – киваю я. Ну что ж, хоть какие-то мои особенности ценятся в этом веке. Я бы, конечно, предпочла, чтобы меня ценили за мой ум и навыки, но, как говорится, дарёному коню в зубы не смотрят.

– Моя дочь навсегда потеряна для высшего общества, поэтому цените данный вам шанс, – Марья Ильинична подносит к глазам белый кружевной платок, и аккуратно их промакивает. – Возвращать нашу Дашеньку поздно, теперь главное, чтобы слухи не разошлись.

– Так вы знаете, где она? – удивляюсь я. Нормально, при живой-то дочери не только выдавать меня за неё, но ещё и собираться выдать замуж за её жениха!

– К сожалению, да, – сокрушённо кивает Марья Ильинична. – Вчера пришла весточка, что обвенчалась со своим офицеришкой в маленькой деревенской церквушке и, зная, что мы не примем её выбор, отправилась с мужем в какое-то захолустье. И это при том, что она отлично знала, в каком плачевном материальном положении мы с Петром Алексеевичем находимся после того, как он проиграл в карты большую часть нашего состояния! Чем я так провинилась перед Господом, что он наградил меня настолько неблагодарной дочерью! Мы, конечно, поступили как любящие родители, тысячу рублей отправили, даже Марфушку ей позволили оста-

ВИТЬ...

А дедуля-то, оказывается, тот ещё тусовщик, никогда бы не подумала, что этот милый старичок способен проиграть столько бабок! Что ж, внешность бывает обманчивой. Раз такое дело, надо будет как-нибудь с ним в картишки перекинуться. Хороши они, однако, с Марьей Ильиничной – оставили дочке Марфушку, целый косарь отправили (чего уж тогда не сто рубасов, раз такие жмоты), и считают себя после этого любящими родителями!

– Знала ведь Дашенька, что в случае её брака старый князь по-родственному оплатил бы часть долгов нашего Петра Алексеевича, похлопотал бы за мужа нашей старшенькой, который в столице служит... Одним словом – неблагодарную дочь мы с Алексеем Петровичем вырастили, – Марья Ильинична печально вдыхает и в очередной раз промакивает глаза. – Эх, были времена, жили мы, как и подобает жить русским дворянам. А теперь даже кучера пришлось в поле отправить, Васька и за него, и за лакея, и за камердинера! После того как продали часть крестьян, не считая детей около сотни душ всего осталось, совсем рук в поле не хватает.

Когда через пару часов леса, поля и деревеньки за окном кареты сменяются каменными домами, и мы, наконец, останавливаемся возле двухэтажного светло-бирюзового особняка, мой бедный мозг уже вскипает от жалоб Мари Ильиничны на неблагодарную дочь. Ещё совсем чуть-чуть – и взорвётся, перепачкав всю внутреннюю обивку кареты. Как же

долго мы ехали!

Васька распахивает перед нами обитые изнутри бархатом двери, и мы выходим на тротуар. По брусчатке мостовой мимо нас снуют кареты, повозки, ржут кони, спешат куда-то пешие мужички. Соседние дома по меркам этого времени выглядят весьма неплохо – тоже с лепниной и большими окнами. Судя по всему, мы находимся близко к центру города, видать, не всё ещё Пётр Алексеевич успел проиграть, раз в таком хорошем месте домик имеет.

Марья Ильинична берёт меня под руку и ведёт к каменному крыльцу, на котором нас уже дожидается её транжира-супруг в компании учителя танцев. К моей большой радости Владимир высадил их чуть раньше, чем мы приехали, и отправился на поклон к своему отцу, чей особняк находился неподалёку от жилища Елецких. Вот и отлично, надеюсь, никогда больше не увидеть его пафосное личико.

– А как же мои вещи? – я рвусь было помочь Маринке и Ваське, разбирающим сундуки и саквояжи с нашими пожитками, но Марья Ильинична меня строго осаживает:

– Дитя моё, не делайте за слуг их работу!

– Но почему? Я ведь просто хочу помочь!

– Я понимаю, что вы по доброте душевной хотите облегчить участь тех, чья Богом данная обязанность – верой и правдой служить своим господам. Но всё же не забывайте, что вы невеста князя Орлова, а семья, в которую вам предстоит войти – одна из самых влиятельных не только в

Москве, но даже в самой столице. Нужно заранее привыкать к своему положению, поэтому забудьте о деревенских вольностях, и впредь будьте осмотрительнее.

– Да, маменька, – нехотя бурчу я и лениво плетусь вслед за Марьей Ильиничной, подгоняемая тычками торопливо семенящей за мной мадемуазели Дюбуа. Даже тяжести потаскать не дают! Если так и дальше пойдёт, я в этом дурацком веке точно в кисейную барышню превращусь – ни вещи свои занести, ни одеться самостоятельно не смогу.

Комната, в которую меня заселяют, оказывается просторнее и светлее, чем в подмосковной усадьбе, а в большое окно открывается неплохой вид на внутренний дворик. Жаль, конечно, что не на весёлую шумную улицу, но в этом тоже есть свои плюсы – если выбраться на широкий карниз, то при должном умении можно пройти по нему и, держась за лепнину, как за выступы на скалодроме, спуститься со второго этажа. Кто знает, как сложится моя московская жизнь? Может, и правда придётся проделывать такие кульбиты.

Маринка уже укладывает мои вещи в деревянный платяной шкаф, и на этот раз Марья Ильинична не мешает мне ей с этим помочь.

– Благодарствую, барышня, – соглашается Маринка после недолгого сопротивления. – Вот не сидится же вам спокойно, я бы и сама справилась!

– Да ничего, мне не сложно, – я наряжаю тяжёлую латунную вешалку в бежевое платье и препровождаю в шкаф. – А

сколько тебе лет, Маринка?

– Девятнадцатый год пошёл, – невесело отвечает девушка.

– А парень у тебя есть? – беспардонно интересуюсь я. Уже несколько дней знакома с Маринкой, а почти ничего о ней не знаю!

– Парень? – в серых глазах Маринки сквозит удивление. – Вы хотели сказать ухажёр? Какие уж тут ухажёры, я ж на весь дом одна после побега Марфушки. Поспать бы успеть, да поесть, работы очень много.

– Вот как, – удивляюсь я. Как-то сразу не подумала о том, кто убирает весь дом, гладит и стирает.

– Давайте вас переоденем, а то чего это вы до сих пор в дорожном, барыня разозлится, что я плохо за вами слежу, – Маринка достаёт из сундука очередное светлое платье. Во время я переодеваюсь – в комнату заглядывает радостная Марья Ильинична.

– Дитя моё, у меня для вас приятная новость, завтра вы попадёте на первый для вас вечер в высшем обществе! Не бойтесь, танцев не будет, – «утешает» Марья Ильинична, поймав мой ошарашенный взгляд. – Графиня Прасковья, моя хорошая подруга, только что прислала посыльного. Приглашены только самые близкие друзья, поэтому к вашему незнанию обычаев высшего света отнесутся с пониманием.

– Надеюсь, – я, нервно поправляю рукава-фонарики. – А кто там будет?

– Княгиня Салтыкова с дочерьми, барон и баронесса Ал-

бышевы, супруга генерала... Ах да, совсем забыла, Прасковья Никифоровна – крёстная мать князя Владимира, может, и он заглянет, ведь графиня ему почти как мать.

Вежливо улыбаюсь Марье Ильиничне, а про себя чертыхаюсь как сапожник. Неужели мои надежды никогда больше не видеть несносного Владимира не осуществляются?

7. Пиковая дама

– Нужно тебя приодеть как следует, – сразу же после завтрака Марья Ильинична заходит в мою комнату и критично оценивает содержимое платяного шкафа. – На бал в домашнем платье не пойдёшь, так что собирайся, поедem к модистке, а на обратном пути уже заглянем к Прасковье Никифоровне.

– Хорошо, – киваю я, не сдерживая своей бурной радости. Может, в гостях у графини получится наконец узнать что-то о подаренных императором часах? Тогда я смогу отправиться домой, и забыть девятнадцатый век и его граждан как страшный сон.

Маринка одевает меня в платье нежно-персикового цвета, красиво сочетающееся с рыжеватым оттенком моих русых волос, прибирает мои растрёпанные патлы в замысловатую причёску, выдаёт пару коричневых туфель на невысоком каблуке, и я несусь вслед за Марьей Ильиничной на первый этаж, чтобы Маринка не успела меня напудрить. Вот ещё, этого мне только не хватало! Буду, как мадемуазель Дюбуа, осыпаться от каждого чиха.

– Князь Сергей Михайлович по доброте душевной прислал к нам свою вторую повариху, – хвастается Марья Ильинична, когда мы усаживаемся в карету. – Будет нам французские да аглицкие блюда готовить!

– А когда мы увидимся со старым князем? – интересуюсь я, отодвигая шторку от окна. Не то чтобы я очень хотела познакомиться с батей жениха, но лучше заранее узнать, когда придётся поднапрячься и пытаться выглядеть воспитанной барышней с большим энтузиазмом, нежели обычно.

– Через неделю мы отправимся на первый для тебя бал, там ему тебя и представим, – Марья Ильинична кокетливо поправляет шляпку. – Не хочу торопиться, тебя ещё столько нужно научить... Будет неловко, если произойдёт какой-то конфуз. Мадемуазель Дюбуа и Павлу Аркадьевичу придётся хорошо поработать, чтобы ты не опозорила нашу семью.

Я вполуха слушаю мою названую маменьку, не отлипая от окна кареты, ведь там, за окном – старинная Москва! Невысокие каменные дома с полукруглыми окнами и декоративными колоннами на фасадах, загадочные арки между некоторыми зданиями, кареты и повозки, которые я так вчера толком и не рассмотрела.

Кажется, я начинаю проникаться местной атмосферой, хотя будь моя воля, конечно же, сразу же вернулась бы в родной и любимый двадцать первый век.

Модистка, как и мадемуазель Дюбуа, оказывается француженкой. Маленькая, сухонькая, юркая, она не меньше часа измеряет мои пропорции сантиметровой лентой, лопочет что-то по-своему, прикладывает ко мне куски ткани разных цветов, цокает, снова что-то лопочет... Моя голова начинает

раскалываться, напоминая о лесном знакомстве с мужиками Елецких, и я жду-не дождусь, когда же всё это закончится.

– Всё верно, восемь платьев для моей дочери и пять для меня, – уточняет Марья Ильинична, когда модистка, наконец, оставляет меня в покое. – Чем раньше будут готовы, тем лучше. Да, мой будущий свёкр князь Орлов доплатит за срочность.

Когда мы выходим от модистки, я надеюсь, что на этом мои муки закончатся, но не тут-то было! Дальше мы идём заказывать обувь, выбирать шляпки, зонтик... Чёрт бы побрал этот грёбанный шопинг! Даже в своём времени не особо его любила, а здесь и подавно – столько времени уходит на измерение бюста, талии и длины стопы! Нельзя было заранее пошить платья и сделать обувь на стандартные размеры и продавать сразу готовое?

Когда мы, наконец, возвращаемся в карету, порадовав скучающего на козлах Ваську, я уже воспринимаю поездку к графине как избавление от мук во имя моды. Но мои надежды на спокойное времяпрепровождение не оправдываются.

После того как наша карета останавливается возле роскошного белого особняка, и серьёзный лакей в тёмно-зелёной ливрее проводит нас в довольно многолюдную по моим меркам залу, о покое и тишине приходится только мечтать. Если это камерный вечер, страшно представить, сколько народу приглашают на обычные!

Даже тут, по моим меркам, довольно многолюдно – четы-

ре девицы в светлых платьях возле пианино, компашка из трёх дам постарше и одного господина за большим столом, сонный старичок на диванчике.

– Мари, как долго я тебя не видела! – радостно всплёскивает руками полненькая жизнерадостная женщина лет сорока, по-видимому, та самая Прасковья Никифоровна. – А Дашенька-то как выросла, совсем не узнать!

Ещё бы она узнала Дашеньку, когда Дашеньку поменяли. Интересно, в каком возрасте она её видела, что совсем не заподозрила подмены? Всё же они с Марьей Ильиничной подруги, наверное, близко общались.

– Моя дорогая, как же мне не хватало бесед с тобой! – Марья Ильинична заключает хозяйку в объятия, и в моей голове, несмотря на мою небольшую любовь к литературе, возникает ассоциация с рассказом Чехова «Толстый и тонкий».

– Дашеньке, наверное, будет интереснее с девицами, чем с нами, старухами. Давайте я вас им представлю, – освободившись из объятий моей названной маменьки, Прасковья Никифоровна берёт меня под руку и ведёт к пианино, которое отчаянно мучает молоденькая девчушка лет шестнадцати.

– Лизонька, вы так порадовали меня своей игрой! Не могли бы вы уступить место своей старшей сестре Аннет, чтобы она спела нам романс, после того как я представлю вам ещё одну мою гостью? – дипломатично интересуется графиня.

– Хорошо, – нехотя соглашается и девица, и, морща хорошенький носик, встаёт из-за инструмента.

– Знакомьтесь, это Дашенька, дочь моей доброй подруги Марьи Ильиничны, – представляет меня графиня. – А это дочери княгини Салтыковой – Анна, Наталья и Елизавета, – графиня кивает на девицу, вставшую из-за пианино, и двух девиц чуть постарше, ожидающих своей очереди возле инструмента. – А вот Александра, дочь баронессы, – графиня улыбается темноволосой девушке, вставшей при нашем появлении с диванчика возле окна.

Представив нас другу, графиня удаляется, оставив бедную меня на съедение любопытных девиц, сразу же засыпавших меня кучей вопросов:

- Говорят, у вас уже есть жених? Какой он?
- Вы знаете его младшего брата Владимира?
- Он и правда так хорош собой, как все говорят?
- А правда ли, что он может сегодня к нам заглянуть?

Эх, кажется, мои муки закончатся нескоро, и их новый виток ещё хуже предыдущих. Собираюсь с мыслями и начинаю поочерёдно отвечать на вопросы княжон и дочки баронессы:

– Да, у меня есть жених, но я его пока не видела, он ещё не вернулся из Турции. Зато я знаю его младшего брата, и не могу сказать, что он особенно хорош. Впрочем, вы и сами в этом сегодня убедитесь.

– Так значит Владимир приедет! – радостно восклицает средняя из княжон, Наталья.

– Ещё вчера ты любила гусаров, – подкалывает её старшая, Аннет, усаживаясь за пианино. – Неужели перешла на

штатских? Как же ты непостоянна, любезная сестрица!

– И ничего я не переходила, – дуется Наталья. – Сыграй лучше тот романс, который вчера разучивала, поёшь ты намного лучше, чем ведёшь светские беседы.

Аннет начинает играть и петь заунывный романс о несчастной любви, а остальные девицы усаживаются кто на диванчик, кто на стоящие рядом с инструментом стулья, и начинают трещать о разных пустяках.

– Сашенька, у какой модистки ты заказывала это платье? Такой потрясающий фасон! – щебечет младшая дочь княгини, разглядывая нежно-сиреневый наряд Александры. – То же хочу такое!

– Мы с маменькой всегда заказываем платья у модистки, которая шьёт для мадам Монпасье, – жеманно отвечает Александра.

– А вы знали, что сейчас в моде почти не использовать пудру? – спрашивает сидящая по соседству от меня Наталья. – Посмотрите, на Дарье её почти нет, не правда ли, это новое веяние моды?

От ответа меня избавляет появившийся на пороге лакей, объявивший, что прибыл князь Владимир. Все девицы, кроме допевающей романс Аннет, мигом вскакивают со своих мест и устремляются вслед за спешащей встретить дорогого гостя графиней. А я поудобнее размещаюсь на диванчике, беря пример с удобно развалившегося и дремлющего на соседнем старичка, кажется, мужа Прасковьи Никифоровны.

Наконец-то отдохну от общения!

Порывисто вошедший в комнату Владимир первым делом приветствует спешащую к нему навстречу графиню:

– Крёстная, как я рад вас видеть!

– Володенька, а уж как я рада! Сколько лет тебя не видела! Как ты вырос, как возмужал! Дай-ка, я тебя хорошенько разгляжу, – Прасковья Никифоровна немного отстраняется от крестника, любуясь им, как чем-то донельзя прекрасным. Было бы на что любоваться, я-то знаю, какой он вредный и противный!

– Знакомьтесь, это мой крестник Владимир, недавно из-за границы, – налюбовавшись как следует «Володенькой» графиня вспоминает о своих обязанностях хозяйки. – Володенька, давай я представлю тебе наше приятное общество: барон и баронесса Албышевы с дочерью Александрой, княгиня Салтыкова с дочерьми Анной – дивный талант, слышите, как она чудесно поёт? Натальей и Елизаветой, супруга генерала Щербатова... С моей хорошей подругой Марьей Ильиничной и её дочерью Дарьей я слышала, ты уже знаком, – графиня представляет Владимиру всех присутствующих в гостиной и ведёт к столу.

– А не сыграть ли нам в карты? – предлагает барон, щеголеватый темноволосый мужчина в асфальтово-сером фраке. – Направленность разговоров дам и кавалеров несколько рознится, а карточная игра сможет объединить всех присутствующих и позволит провести время с удовольствием. Так

как здесь собрался узкий круг друзей, не отложить ли нам приличия, и не сыграть ли в дурачка?

– Право, барон, не лучше ли выбрать игру, более подходящую для салонов, такую, например, как штосс, – брезгливо морщится княгиня. – Игра в дурака ведь такая мужицкая!

– А я бы сыграла, – вскакиваю с диванчика и мгновенно оказываюсь возле стола. Наконец-то назревает что-то интересное!

– Дарья, молодым девицам не подобает играть в такие игры, – шипит на меня Марья Ильинична, но меня неожиданно поддерживает Владимир:

– А почему бы ей не сыграть? Если бы мы были на балу, это действительно было бы неприлично, но мы в тесном, почти семейном кругу, – на долю секунды мне кажется, что на лице Владимира появляется ухмылка, но нет, выражение его лицо всё такое же приветливое и серьёзное.

– Не могу отказать своему дорогому гостю, – улыбается графиня, приказывает лакею пододвинуть для меня стул и принести несколько карточных колод.

В детстве мы с братом часто резались в дурака, так что я покажу этим господам, где раки зимуют! Лакей приносит карточные колоды, две из которых барон тасует и раздаёт игрокам. Не одобряющая подобных развлечений княгиня отправляется следить за благонравием своих дочурок, поэтому нас остаётся семь человек: барон, баронесса, генеральша, графиня, её внезапно взбодрившийся, вставший с дивана и

присоединившийся к нам супруг, Марья Ильинична, Владимир и я.

Барон раздаёт карты, игра начинается.

– Новичкам везёт, – снисходительно улыбается барон, когда я выигрываю первую игру.

А я только ухмыляюсь про себя. Ну да, конечно. Везёт тому, кто везёт, а я умею считать карты. Так что мне редко когда не везёт.

Когда я выигрываю следующую игру, барон удивлённо приподнимает брови, а сидящий напротив меня Владимир еле заметно улыбается. Что это было? Мне кажется, или в его синих глазах вспыхивает еле заметный интерес к моей скромной персоне? Неужели я заслужила одобрение самого пафосного княжича этой гостиной?

Третья игра тоже складывается не худшим для меня образом. Почти все старшие карты уже вышли, у меня на руках пиковая дама и ещё какая-то мелочь. Если оставшийся в игре туз не у Владимира и не у барона, я могу выиграть даже со своими не самыми лучшими картами, дамы оказались не такими матёрыми картёжницами, как я, а некоторые, откровенно говоря, попросту тупящими.

– Как-то невесело стало, давайте прервём нашу партию, – делано-скучающим голосом протягивает графиня, и, не раскрывая карт, убирает их в колоду. – Аннет так чудесно поёт, давайте лучше послушаем это прекрасное дитя и насладимся приятной светской беседой. Правду говорят, карточные

игры от лукавого, и так уже немного согрешили.

Все, включая Владимира, с радостью поддерживают предложение Прасковьи Никифоровны свернуться, и только баронесса выражает слабое недовольство. По-видимому, она и была счастливой обладательницей туза. Значит, у меня был шанс её переиграть и выиграть третью партию подряд.

Спорить с хозяйкой баронесса не решается, поэтому, вернув карты в колоду, дамы, Владимир и барон отправляются к пианино, за которым старшая из дочерей княгини Салтыковой вдохновенно поёт слащавый романс.

– Моя Аннет невероятно талантлива, не правда ли? – интересуется у Владимира княгиня, и он отвечает ей какой-то сдержанной любезностью. Меня забавляет наблюдать, как он пытается отвязаться от матушки «невероятного таланта», и я еле сдерживаюсь, чтобы не прыснуть от смеха.

За окнами гостиной темнеет, наверное, скоро гости будут разъезжаться по домам, поэтому я ищу глазами названую маменьку.

– Пиковая дама? – вполголоса интересуется внезапно оказавшийся рядом Владимир.

– Откуда вы узнали? Вы тоже умеете считать карты? – удивляюсь я.

– Мой брат картёжник, – усмехается Владимир, и едва заметно хмурится, поняв, что сболтнул лишнего. – Ваш жених научил меня ещё в детские годы, – переиначивает он, пытаясь придать фразе «мой брат картёжник» более невинное

звучание, и быстро меняет тему, – а вы где такое непривычное для девицы умение приобрели? Да ещё и рисковать не боитесь.

– Мой батюшка Алексей Петрович любит картишки, – подмигивая я, и в моём ответе нет ни грамма лжи. Ну, разве что немного о том, что Алексей Петрович – мой батюшка, а всё остальное – чистая правда.

– Ах да, припоминаю, слышал что-то об этом, – брезгливо морщится Владимир.

Судя по всему, о картёжных подвигах моего «батюшки» многие наслышаны, если даже недавно вернувшийся из-за границы Владимир нос воротит. Но Дарья Алексеевна – преданная дочь, и не позволит какому-то напыщенному княжичу насмехаться над своей роднёй!

– Ходит слух, что многие девицы мечтают заполучить в супруги мужчину, похожего на их отца. Я рада узнать, что ваш брат обладает теми же достоинствами, что и мой любезный батюшка. Не нужно будет опасаться, что проигранные деньги уйдут из семьи, ведь они смогут играть друг с другом, – насмешливо говорю я, желая подколоть Владимира.

И попадаю в цель. Судя по реакции княжича, его братец и правда недалеко от моего «батюшки» ушёл в увлечении азартными играми.

– Вижу, у вас прекрасный вкус на мужчин. Позвольте откланяться, – усмехается князь и отправляется в противоположный конец залы, по-видимому, чтобы попрощаться с гра-

финеи.

– Так рано? Владимир, неужели вы нас покидаете? – слышу я разочарованный голос Прасковьи Никифоровны, и довольно про себя ухмыляюсь. Беги-беги, глаза бы мои тебя не видели. Только мне показалось, что мы начали нормально общаться, как этот пафосный индюк снова показал своё пренебрежение!

– Мы же увидим вас на балу? – кокетливо интересуется Лизонька.

– Да, я планирую прийти, – сухо отвечает Владимир.

– И будете танцевать? Пообещайте, что будете! – весело тараторит Наталья.

– Ничего не обещаю, но и не исключаю такого развития событий, – отвечает Владимир и загадочно удаляется. Умеет же дыму на пустом месте напустить! Теперь эти бедные девушки будут по нему страдать и сохнуть, не понимая, что он обыкновенный придурок с лишними понтами. Хорошо, что я это понимаю...

– Правда же, Владимир душка? – интересуется у меня старшая княжна, наконец оставившая в покое инструмент. – Видела, вы с ним говорили, наверное, он сказал что-то очень остроумное?

– Открою вам страшный секрет, князь говорил, что вы прекрасно играете, – улыбаюсь я. Почему бы не порадовать человека? Старалась ведь.

– Правда? Так и сказал? – расцветает Аннет. – Пойду, рас-

скажу маменьке!

Окинув взглядом её удаляющую в другой конец залы фигурку, нахожу взглядом свою «маменьку», и следуя примеру княжны, тоже отправляюсь к ней.

По возвращении домой я желаю хороших снов названной маменьке, у которой разболелась голова, и подхожу по очень важному делу к своему названому батюшке, сидящему у камина.

– Алексей Петрович, научите меня играть в штосс?

– Штосс? Разве пристало девице играть в азартные игры? – хмурится Алексей Петрович, но я вижу разгорающийся в его глазах азартный огонёк, и понимаю, что ему совсем не хочется мне отказывать. – Сейчас возьму колоду, только супруге моей не говорите, что я снова в карты играю, – сдаётся мой названный родитель.

– Да без «б», – обещаю я, и поднимающийся за картами в комнату Алексей Петрович окидывает меня недоумённым взглядом.

Вечерок обещает быть занятым. Надо будет хотя бы у моего названного родителя попытаться узнать, кому император часы дарил, а то у графини я так в карты заигралась, что совсем забыла о своей главной цели.

8. Первый бал

– Мне точно нужна надевать такое длинное платье? Даже туфли из-под него не видно будет!

– Вот и хорошо, не пристало девице ножки показывать, – хмурится Марья Ильинична. – В наши времена девиц вообще в корсеты так затягивали, что дышать нечем было, и ничего, не жаловались. Так что не возмущайся и позволь уже Маринке себя одеть.

– Ну, как знаете, – нехотя соглашаюсь я. Маринка наряжает меня в длинное кремовое платье с высокой талией и рюшами на подоле, вешает в уши жемчужные серьги, на шею – жемчужное ожерелье, помогает натянуть пару изысканных длинных перчаток. После всех этих стараний из зеркала на меня недовольно смотрит сероглазая барышня с высокой причёской, длинными серьгами, подчёркивающими лебединую шею, и ожерельем, красиво оттеняющим матовую кожу цвета слоновой кости.

– Красавица, – моя названная маменька с одобрением смотрит на то унылое безобразие, в которое меня превратили. – В таком виде не стыдно в свет выйти!

Накинув на меня тёплую шаль, горничная провожает меня до кареты, в которой нас с Марьей Ильиничной уже ждёт Алексей Петрович, и желает хорошо провести этот вечер.

– Спасибо, Маринка, – искренне благодарю я. По сравне-

нию с наставлениями мадемуазель Дюбуа о том, как вести себя на балу, и Павла Аркадьевича о том, как танцевать эти ужасные нудные балльные танцы пожелания Маринки звучат для меня как музыка.

За эту ужасную неделю, на протяжении которой меня усиленно готовили к выходу в свет, я успела основательно возненавидеть французский язык, полонез, вальс и ещё парочку танцев, названия которых не припомню. Зато помню все те ужасные па, из которых они состоят. Разбуди меня посреди ночи и заиграй подходящую музыку – тут же пойду в пляс! Ну, в смысле танцевать, на балах же всё чинно и пристойно.

Пока мы едем в карете, в моей голове строится план действий на сегодняшний вечер. Когда названный батюшка объяснял мне особенности игры в преферанс, то обмолвился, что слышал о вышедшем в отставку старом сановнике, которому кто-то из императоров пожаловал часы. Поэтому моя главная задача на этом балу – выяснить, кто этот счастливчик, и узнать, где он хранит царский подарок.

– Добрый вечер, – приветствую я роскошного седовласого лакея в золотисто-вишнёвой ливрее, встретившего нас у входа в особняк графини, и протягиваю ему руку.

Он смотрит на протянутую мной руку в кремовой перчатке с большим недоумением, а Марья Ильинична краснеет почти до самых корней волос.

– Дарья, что вы делаете, – сердито шипит моя названная маменька. – Нельзя так здороваться со слугами! Надеюсь, ни-

кто не заметил вашей оплошности, иначе пересудов не избежать!

– А до сколько продлится бал? – интересуюсь я у лакея, чтобы как-то скрасить неловкую ситуацию.

– Некоторые господа до утра задерживаются, – дипломатично отвечает слуга графини и провожает нас и ещё нескольких дам и господ в большую залу, на входе в которую нас радушно приветствует хозяйка. Мы обмениваемся с ней незначительными светскими любезностями и проходим внутрь, туда, где играет музыка, и множество восковых свечей в хрустальных люстрах и медных подсвечниках, прикреплённых к стенам, освещают открывающееся нашим взглядам великолепие.

– О, я вижу баронессу Албышеву с дочерью, – радостно восклицает Марья Ильинична. – Пойдём поздороваемся!

Пока Марья Ильинична тащит меня и Алексея Петровича через строй платьев и фраков, я с любопытством оглядываюсь по сторонам. На возвышающихся площадках по обеим сторонам залы стоят столы, похожие на тот, за которым на прошлой неделе играли в «дурака», на столах лежат колоды нераспечатанных карт. Вокруг толпятся мужчины в нарядных фраках, явно интересующиеся игрой куда больше, чем танцами с молодыми девицами, размещающимися в окружении своих маменек ближе к центру залы.

– Пойду поздороваюсь с бароном, – говорит мой названный батюшка, протискиваясь в сторону игровых столов. Марья

Ильинична одаривает его таким суровым взглядом, что, даже если у Алексея Петрович и было желание перекинуться в картишки, оно наверняка мгновенно улетучивается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.